

80 - летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается.....

На фронтах Великой Отечественной войны мужественно сражались воины из Островского района.

Во время Великой Отечественной войны в Островском районе было призвано и мобилизовано в армию 7800 человек.

Общие потери - 4360

Из них погибло - 1800

Умерло от ран и болезней - 440

Пропало без вести более - 2100

Умерло в немецком плену - 15.

В числе погибших 9 женщин.

За боевые заслуги пред Родиной награждено боевыми орденами и медалями свыше 2500 человек, 32 из них - тремя и более.

Награждено

Орденом Ленина - 1

Орденом Боевого Красного Знамени - 11

Орденом Отечественной Войны - 27

Орденом Славы II степени - 4

Орденом Слав III степени - 28

Орденом Красной Звезды - 98

Медалью за отвагу - 183

Медалью за Боевые Заслуги - 138

Медалью за Доблесть и Отвагу - 2

Как написал в 1972 году местный поэт Н. Константинов в своем стихотворении "Островское":

*Привольное, неброское,
Открыто и светло,
Стоит мое Островское -
Старинное село.
Я с гордостью, не с гонором,
Скажу, не побоясь:
С любым российским городом
Оно имеет связь.
Лежат ребята здешние,
Покинув отчий дом,
Под Ельней и под Стрешневым,
Под Курском и Орлом.
Как память, за портретами
В любом его дому
Хранятся похоронные -
Свидетельство тому.*

Из архивного фонда "Редакции газеты "Островские вести", хранящиеся в муниципальном архиве скопированы публикации из газет, посвященных юбилейным датам Победы в Великой Отечественной войне.

КУРСАНТЫ ИДУТ В БОЙ

Светлой памяти моих друзей—курсантов 19-й отдельной стрелковой курсантской бригады.

1. Наш путь начинался в Тамбове

...1941 год. Еще не грохочут пушки, не рвутся на нашей земле снаряды и бомбы. Все это впереди. Но мы уже догадывались, что это будет. И в то же время как-то трудно было представить, что нам, восемнадцатилетним юнцам, собравшимся в Тамбовском пехотном училище, выпадут на долю тяжелейшие испытания.

Идут напряженные дни боевой учебы. Командир роты лейтенант Штыков почти всегда с нами. Особенно на занятиях по тактике. Он не только командует, он все время показывает. За день успевает побывать во всех взводах.

—Сколько же у него энергии!—восхищается москвич Олег Редин.

—И знаний,—добавляет Виктор Грызлов, сын полковника.

Никогда не забыть, как учил он нас приемам рукопашного боя. Ни один, даже самый ловкий курсант, не мог увернуться от его точных ударов.

—Не отступлюсь до тех пор, пока каждый из вас не научится владеть штыком лучше меня.

И добился. Наша первая по счету рота заняла первое место по боевой и политической подготовке. Все были довольны, кроме командира. А он говорил:

—Самую правильную оценку вашим знаниям и умению поставит война.

Она пришла к нам воскресным утром 22 июня. В то утро в училище был митинг. А вечером того же дня писарь из штаба училища рассказывал «по секрету»:

—Эх, и попало же вашему лейтенанту.

—За что?

—Сразу же после митинга он положил на стол начальника

рапорт с требованием о направлении на фронт.

—А начальник?

—Рассердился. Сказал: «Потребуется—все пойдем. А пока наша главная задача—ускорить и улучшить подготовку будущих командиров».

В первые военные дни наш лейтенант почти ни в чем не изменился, только требовательность его стала значительно выше. Он не проходил мимо малейшего проступка.

Как-то во время его дежурства по училищу мы вышли на физзарядку с опозданием на полторы—две минуты. В результате всей роте пришлось тренироваться по командам «отбой» и «подъем!» После этого случая на физзарядку рота выходила первой.

Запомнился переход из лагеря на зимние квартиры, в казармы училища. Если другим подразделениям на переноску имущества потребовалось два дня, то мы управились за один. К тому же отработали тему «форсирование реки».

А переход был нелегким. На пути—широкая река, которую надо было форсировать. Три раза совершали этот путь. Под конец даже наиболее крепкие курсанты устали. И вдруг в вечернем воздухе раздается:

—Запевай!

И вот уже над притихшими полями звучит задорная песня. Сразу стало как-то легко и весело...

—Завтра всем спать до тех пор, пока не выспится последний засоня,—сказал командир роты, уходя домой.

Дневальный Самородов рассказывал, что сам Штыков утром, как всегда, пришел задолго до подъема.

—Никого не будить,—приказал он.—Кстати, сегодня восхождение...

Но как только стрелки часов показали шесть утра, казарма загудела, как встревоженный улей.

—Я был убежден в том, что засоня у нас нет,—обрадовался командир роты.

В тот день мы, будущие командиры, поняли, что это не только требовательный командир, но и заботливый, душев-

ный наш старший товарищ.

И снова напряженная учеба. Программу сократили. Количество учебных часов в сутки значительно увеличилось. На самоподготовку времени почти не оставалось. Несколько минут, отводившихся на личное время, мы проводили в ленинской комнате. И в эти минуты командир был с нами. Он рассказывал о последних событиях на фронтах.

Наступил октябрь, тревожный и тяжелый.

Однажды, как всегда, вечером собрались мы в ленинской комнате. Не было только командира. Но он быстро пришел.

—Газеты читали? — коротко спросил он.

—Читали,—невесело ответили мы. В тот день сообщалось, что гитлеровцы начали новое наступление на столицу нашей Родины.

—И какой сделали вывод?

—Мы думаем, что сейчас наше место под Москвой,—ответил за всех москвич Олег Редин.

—Правильно. Только что получен приказ о формировании нескольких курсантских рот для отправки на Западный фронт. В них войдут только отличники.

—Значит, не все,—протянул кто-то разочарованно.

—Могу сообщить,—командир заволновался,—о том, что первая рота идет почти в полном составе.

—Ура!—дружно гаркнули мы.

—Я рад за вас, рад потому, что вам оказали это доверие. Хорошие вы ребята. Удивляетесь, что хвалю? Но ведь я ругал-то вас для того, чтобы вы еще лучше стали...

—Товарищ лейтенант, и вы с нами?—спросил кто-то.

—Нет, мне вторично отказали...

На фронт он приехал позднее нас. (В настоящее время Н. Г. Штыков—генерал).

...На следующее утро после того разговора несколько курсантских рот отправились к месту формирования 19-й отдельной курсантской стрелковой бригады.

П. КОНСТАНТИНОВ,
офицер запаса.

КУРСАНТЫ ИДУТ В БОЙ

2. Наш ротный комиссар

«А до войны вся наша семья жила в с. Красная Гора Красногорского района Брянской области. Отец работал управляющим отделением Госбанка. Когда началась война, ему надо было эвакуироваться, но он перedal дела своему заместителю Ковалеву, а сам добровольно ушел на фронт. Он даже не успел отправить нас в эвакуацию. Он сказал: «Сначала Родина, а потом — семья. Уезжайте, куда все поедут». Все это рассказала мне мама».

(Из письма дочери политрука Д. А. Ляхова — Светланы Ляховой).

В те дни, когда политрук запаса Дмитрий Алексеевич Ляхов, оставляя сугубо гражданское дело, шел навстречу войне, я еще учился в Тамбовском пехотном училище, но, видимо, фронтовой судьбе было угодно свести нас, где формировалась 19-я отдельная курсантская бригада. С конца октября 1941 года ее первый батальон стал нашим общим домом, нашей большой, но дружной семьей...

Трудно было не поддаваться обаянию этого напористого и смелого человека. Восемнадцатидевятнадцатилетние курсанты любили политрука роты и считали родным отцом, зоботливым, требовательным, а иногда и суровым.

— Если показать эту винтовку твоей матери, она тебя выпорот, — как-то сказал он одному курсанту, на оружии которого обнаружил ржавчину. — Стыдись.

Но он же с трогательной заботой ухаживал за курсантом В. И. Ивановым, который еще на занятиях на месте формирования бригады повредил ногу.

С первых дней пребывания в батальоне политрук почти все время был с курсантами. Для каждого находилось у него хорошее, доброе слово, а когда было особенно трудно — и веселая задорная шутка. Только раз довелось мне увидеть его опечаленным. Это совпало с минутами, когда наш нештатный почтальон раздавал письма. Не знали мы тогда, что его родное

село было уже оккупировано фашистами, а семья — находилась в эвакуации, о чем Дмитрию Алексеевичу было даже неизвестно. Заметив, что за ним наблюдают, политрук ушел за землянку в кустарник.

В начале ноября формирование бригады было закончено, и мы выехали на Западный фронт.

Несмотря на то, что приближались бои, самочувствие и настроение курсантов было приподнятым. Большую роль в этом сыграли политработники бригады, в том числе и Дмитрий Алексеевич. Даже в пути следования на фронт он находил время, чтобы рассказать курсантам своей роты о положении наших воинов в битвах с врагом на полях Подмосковья.

— Скоро Москва, — сказал он на одной из остановок.

Пока наш эшелон в течение нескольких часов шел по Московской окружной дороге, мы получили возможность увидеть нашу фронтовую столицу. Воспользовавшись этим, Дмитрий Алексеевич во всех вагонах своей роты, ехавших в разных вагонах, сумел провести беседы о героическом прошлом Москвы.

— Нет, Москву мы никогда и никому не отдадим, — сказал он, глядя на удаляющиеся громады зданий родной каждому столицы.

Эта уверенность передалась курсантам.

— Скорей бы в бой, — как бы отвечая на мысли любимого политрука, говорили курсанты.

Однако нам еще несколько дней пришлось провести во втором и даже третьем эшелоне до тех пор, пока не прибыли на калужскую землю. В середине декабря мы подошли к селу Кузьмищево. С высокого берега Оки оно хорошо просматривалось. Притихшее, настроенное. Мы знали, что жители с нетерпением ждали нас. Ждали и враги, пока еще не подававшие признаков жизни. Спустившись с берега и перейдя уже замерзшую реку, в конце дня 17 декабря первый стрелковый батальон майора И. И. Белоусова начал наступление на захваченное врагом село. Перед нами лежало большое ровное поле, в конце которого, перед самым селом, чернел небольшой перелесок. Как-

дый из нас знал: сегодня для нас это было не просто поле, а рубеж, который во что бы то ни стало нужно преодолеть. Знали и то, что кому-то из нас не суждено будет добраться до недалекого леса, а кто-то сложит голову уже там, на окраине или в центре Кузьмищева.

Когда Д. А. Ляхов вместе с командиром повели на сближение с врагом свою роту, политрук предупредил:

— Трусов не потерплю. Пусть каждый помнит, что и справа и слева у него товарищи.

Как только весь батальон оказался на открытом поле, немцы ударили по нему из всех видов стрелкового оружия. Затрещали автоматы, зататакали пулеметы, над головами курсантов послышался противный вой мин. Наступающие роты залегли. Установив станковые пулеметы курсанты нашей пулеметной роты ударили по вражеским огневым точкам. Некоторые из них замолчали, но недосыгаемые для нас минометы врага продолжали вести огонь.

Среди курсантов появились первые убитые и раненные. Комбат и командиры рот понимали, что только дерзкий бросок вперед поможет спасти от лишних жертв. И вот уже в морозном предвечернем воздухе раздается голос политрука Ляхова:

— За Родину, за партию, вперед!

Один за другим вскакивают курсанты и, спотыкаясь в глубоком снегу, устремляются к перелеску, в сторону села. Я вижу, как сраженный пулей падает мой друг по училищу Миша Кузнецов, слышу, как кто-то кричит:

— Санитар!

А батальон продолжает наступать. Вражеский огонь усиливается. Вдобавок к минам начали рваться артиллерийские снаряды.

Но вот уже и перелесок, а курсанты левого фланга вот-вот ворвутся на окраину села. Однако тут их подстерегает вражеское минное поле. Одна за другой взрываются спрятанные в снегу противопехотные мины. И снова над полем раздается знакомый голос:

— Товарищи, здесь нет мин. Смелее, товарищи!

Позднее кто-то из курсантов рассказывал, как политрук Ляхов, часть роты которого наско-

чила на заминированное поле, где мгновенная смерть ждала каждого, кто наступит на одну из мин, рванувшись в правую сторону нашел небольшой проход. И вот он звал курсантов, чтобы они смогли воспользоваться этим проходом.

Незаметно наступил вечер, но бой не прекращался всю ночь. К рассвету почти половина села была взята.

Наступило утро 18 декабря.

И снова бой, бой ожесточенный и упорный. Всюду свистели пули. Минометы, как вражеские, так и наши, уже молчали. Наступающие и обороняющиеся были на предельно-близком расстоянии. Настал такой момент, когда можно было своими же минами нанести удар по собственным подразделениям.

Измученные почти суточным боем, курсанты прятались от вражеских пуль лежа за углами домов и других сооружений. Кто-то должен был поднять их и повести в последнюю атаку. Это сделал политрук Ляхов. С возгласом «За мной!» он первым бросился на врагов, но как только оказался между домов, вражеская пуля ударила ему в руку. Не показывая виду, что ранен, политрук продолжал вести курсантов на врага. Но вот он покочнулся и медленно начал опускаться на снег. Кто-то подбежал к нему, начал тормозить сраженного политрука, а потом, сразу же поднявшись в полный рост, закричал:

— Товарищи, он сказал: «Вперед!» Вы слышите, он сказал: «Вперед!»

Теперь уже никакая сила не могла приостановить курсантов. Часа через полтора в Кузьмище не оставалось ни одного немца. Ни одного живого врага.

Когда бой утих, курсанты роты, с которой делил радости и невзгоды Д. А. Ляхов, на припорошенной снежинками земле нашли своего отважного старшего товарища и вдохновителя. Он лежал крепко сжимая в руках автомат. Спустя некоторое время на окраине отвоеванного села прощальным салютом мы почтили память Дмитрия Алексеевича и всех погибших за Кузьмищево курсантов. Свернувшись в колонну, батальон пошел на Тарусу.

П. КОНСТАНТИНОВ,
офицер запаса.

КУРСАНТЫ ИДУТ В БОЙ

3. Подвиг

Девятнадцатилетний курсант Виталий Иванов так же, как и я, в первый батальон отдельной курсантской бригады попал из Тамбовского пехотного училища. Как и весь батальон, участвовал в боях за Кузьмищево и Тарусу, но отличился он уже после этих боев.

...Противника, как всегда было в лесном бою, курсанты не видели. О его численности можно было догадываться лишь по силе огня. Не видели и укреплений. То справа, то слева из лесной гущи били пулеметы, откуда-то сзади сыпался град осколочных мин. И вдруг—тишина. А через секунду снова выстрелы и разрывы. Чтобы жить и воевать, нужно было уметь читать эту сложную азбуку звуков и отвечать на выстрел выстрелом, на мину миной, так, чтобы не выдать себя.

Еще до начала атаки Иванову, лучше других знавшему саперное дело, было приказано взять группу курсантов и сделать проходы сквозь колючую проволоку и минное поле. Вместе с товарищами он ползал между деревьями, оплетенными колючей проволокой, и извлекал противопехотные мины затяжного действия. Их было много. Сначала все было просто, как на учебном занятии в училище.

Но вот застрочил из невидимого дзота станковый пулемет и курсант понял, почему на фронте нужно ползать, а не ходить, быстро решать, а не раздумывать. И Виталий продолжал с ожесточением резать проволоку, извлекать мины, ползать под свистящими пулями, отстреливаться.

Проход был сделан. Только Иванов вытащил около ста мин. Не меньше извлекли их и его товарищи. Одну за другой командир группы посылает в воздух три ракеты: одну красную и две зеленых—условный сигнал, что ротам можно подниматься. И они поднялись. Со свистом полетели наши снаряды. Враг отвечал из орудий, минометов и пулеметов.

Стремясь укрыться, Иванов прыгнул в яму у вырванной с корнем сосны. В это мгновение разорвалась мина, и осколки ее срезали кусок шинели. Потом сверху с дерева начал стрелять фашистский снайпер. Приложившись к автомату, Иванов дал короткую очередь. Снайпер свалился вниз и повис на суку.

А товарищи по роте уже подбегали к проделанным им ходам в минном поле. Оглянувшись, Виталий увидел, как сраженный пулей или осколком мины, упал командир роты.

—Товарищи, бейте их за ко-

мандира!—крикнул он и повел роту вперед.

Спустя два дня, уже в районе села Недельное, Малоярославецкого района в роту пришел офицер и принял командование ею, а Иванов в конце декабря был тяжело ранен.

...После окончания войны, разыскивая своих фронтовых товарищей, я пытался разыскать и Иванова, однако мои попытки ни к чему не привели. И только в 1963 году в Костромском горвоенкомате я случайно встретился с ним. Передо мной стоял brave майор, напоминавший Иванова. Он первым спросил меня:

—Вы не учились в Тамбовском пехотном?

—Учился...

—А в 19-й курсантской были?

—Да был же, Витька,—не выдержал я.

Не записав тогда его адрес, недавно я написал ему, а письмо послал костромскому горвоенкому с просьбой переслать его адресату. К сожалению, ответ опечалил. «Просьбу о пересылке письма Иванову Виталию Ивановичу,—писал горвоенком,—выполнить не в состоянии, так как Виталий Иванович в октябре 1970 года скончался».

Видимо, сказались фронтовые раны.

П. КОНСТАНТИНОВ,
офицер запаса.

КУРСАНТЫ ИДУТ В БОЙ

4. Сражение в лесу

Пожалуй, из всех картин Левитана мне больше других нравится его «Березовая роща». В мирное время мы очень любим любоваться пейзажами родных мест. Они напоминают нам наше детство, запечатлевают красу родины.

В холодном декабре 1941-го мне довелось побывать в прекрасном и тихом калужском лесу, с виду очень спокойном. Недалеке красовалась березовая роща. И хотя длинные ветви берез были голыми и не было слышно шума молодой листвы, мне очень отчетливо запомнился этот лес.

Безоблачное небо. Полумрак в чаще. Холодные солнечные лучи на лесных прогалинах. И много снега—чистого, как свежевывищенные простыни. Было очень тихо. Казалось, ничто и никто не смеет нарушить этого покоя. Но так только казалось. В спящем зимнем лесу кипела жизнь: в лесу наш курсантский батальон готовился к контрудару. Очень спокойный и тихий лес таил в себе смерть—смерть, идущую на врага во имя жизни.

Постепенно день уходил. И когда небо из голубого превратилось в черное, ночную тишину разорвал грохот канонады. Готовясь к атаке, немцы

начали осыпать лес снарядами и минами. Но на каждый вражеский снаряд наши минометчики и артиллеристы отвечали десятками своих снарядов. Лес ревел. Падали белоствольные березы. Казалось, лес плачет от сильной человеческой боли. Ночь переокрасила его. Чудесное полотно Левитана было исполосовано шрамами.

Но вот на мгновение замерла канонада. Настала необыкновенная тишина, какая бывает только перед броском вперед. Сжались до боли сердца. Руки вцепились клещами в винтовки. Зубы плотно замкнули рты. Жизнь или смерть, сейчас или никогда...

И грянуло: «Ура!» Как морской прибой, прокатилось оно по ночному декабрьскому лесу, от края и до края, и понеслось на запад, сметая все на своем пути. Ни канонада, ни вой мин, ни безумный треск автоматов,—никакая сила не могла остановить этого шквала.

... К утру немцы были выбиты с рубежа и отброшены. Снова стало тихо в березовой роще, теперь уже изрытой и исковерканной. Заняв новый рубеж для следующего броска, прямо в снегу курсанты отдыхали.

Неподалеку, на опушке рощи, я увидел убитого фрица. В зеленом мундире и легонькой шинели, вцепившись скрюченными пальцами в чужую промерзшую землю, он лежал головой на запад. Спина его была

проткнута граненым русским штыком. Русский человек русским штыком пригвоздил немца к русской земле. Немцу хотелось жить на чужой земле, и он умер на чужой земле.

А рядом, тоже головой на запад, откинув правую руку, с крепко зажатой винтовкой, закрыв левой рукой рану над сердцем,—белокурый паренек-курсант. Кем он был—я не знаю: костромич, новгородец, тамбовчанин? Белокурый, с голубыми глазами, открытыми, ясными, устремленными в далекое небо. И будто не умер он. Будто не пробито его сердце свинцом автомата—так спокойно его лицо. Будто устал он после трудной боевой схватки и отдыхал, как отдыхают его боевые товарищи.

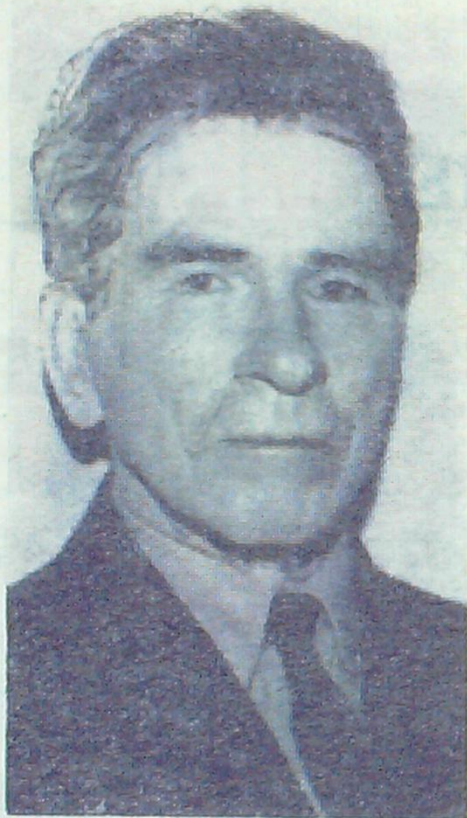
Хотел ли он жить? Хотел. Думал ли он о смерти? Думал. Как и все мы, знал, что, быть может, ему придется умереть ради жизни Родины, но мечтал и жить во славу Родины. Пришлось умереть, и он умер. Умер без страха—лицом к западу. Умер героем. Вот почему таким спокойным было его лицо. Вот почему такими ясными были его глаза. Он умер во имя жизни. Такая смерть—бессмертие. Это запомнил лес. Это запомнил каждый, кто там был в ту уже очень далекую обыкновенную фронтовую ночь.

П. КОНСТАНТИНОВ,
офицер запаса.

ПОД СТАЛИНГРАДОМ

К. В. РУСОВ,
капитан в отставке

Наша стрелковая дивизия формировалась в Иванове. Затем нас в вагонах отправили под Сталинград. Потом 150 километров мы шли пешком. Прямо на передний край пришли и — сходу в бой...

Тяжелыми были сражения, большими — потери. И командиры наши, и солдаты в дивизии, хотя и имели хорошие знания, но в большинстве своем не имели еще опыта войны. Опыт пришел с боями.

Помню, приехал к нам командующий армией К. К. Рокоссовский. К этому времени наши войска заканчивали окружение группировки немецких войск.

Целые сутки командарм наблюдал противника с наших позиций.

Наконец группировку окружили. Ни в газетах об этом не сообщалось, ни по радио. И только когда кольцо вокруг 22 вражеских дивизий сомкнулось надежно, когда 330 тысяч немецких солдат и офицеров оказались в мешке, сообщили об этом всему миру.

Не раз предлагали Паулюсу сдаться в плен, бросали листовки в распоряжение вражеских частей. Мы прекращали огонь, надеясь, что немецкое командование прислушается к голосу благоразумия. Но был приказ от Гитлера: до последнего солдата сражаться. Так они и не сдались. Мы же получили приказ: дробить на части немецкую группировку и уничтожать. Так были уничтожены лучшие гитлеровские дивизии, немецкая армия получила еще один непоправимый удар.

Наш учебный батальон в дивизии был, словно кулак ударный. На все самые ответственные, трудные участки фронта нас направляли. Люди у нас были хорошо обученные тактике боев, спортсмены, очень выносливые и молодые. Потому и был наш батальон ударной силой. Сам я по специальности огнеметчик, командир отдельной огнеметной роты.

Вскоре наш учебный батальон перекинули на другой участок фронта. Но в разбитом Сталинграде я был после. Сильно разрушен. Некоторые улицы состояли сплошь из одних развалин. Сейчас этот город возрожден из пепла и руин и считается одним из лучших городов страны.

СПАСАЯ РАНЕННЫХ БОЙЦОВ

С. М. ФИВЕЙСКИЙ,
старший лейтенант
медицинской службы
в отставке

Находясь в рядах Советской Армии, мы свято верили в победу. Эту веру вселяла в нас Коммунистическая партия. И эта вера помогла нам победить.

Помню, в одном жестоком бою так получилось, что противник отобрал у нас пушку. Легко отдать, да взять обратно каково? А командир батальона приказывает:

— Пушку вернуть!

Началась новая атака. Шквал огня, вой снарядов, свист пуль. Падают наши, падают немецкие солдаты, раненые, убитые. Моя задача — спасти раненых, выносить их с поля боя, перевязывать...

В этом очень тяжелом бою я вытащил на своих плечах семнадцать советских раненых. Вынес, перевязал и укрыл в сарае. Не стану рассказывать, как нелегко это пришлось. Хорошо, если который ранен настолько, что хоть кое-как, но идти может. Но ведь были и такие, которые совсем не могли двигаться или были без сознания.

А вообще свой боевой путь я начал под Щекином. Там я убил первого гитлеровца, от-

туда мой боевой путь шел сначала по нашей земле, потом по неприятельской. Дивизия наша первоначально формировалась в Костроме.

Пришлось мне со своей частью идти до Берлина, фашистского логова. Там я поставил свою подпись на рейхстаге и с победой домой вернулся. Вернулся домой и мой однополчанин Д. И. Апурин, который сейчас живет в Дарьинском сельсовете.

ВЫБИЛИ НЕМЦЕВ

**А. Д. КУКУШКИН,
сержант запаса**

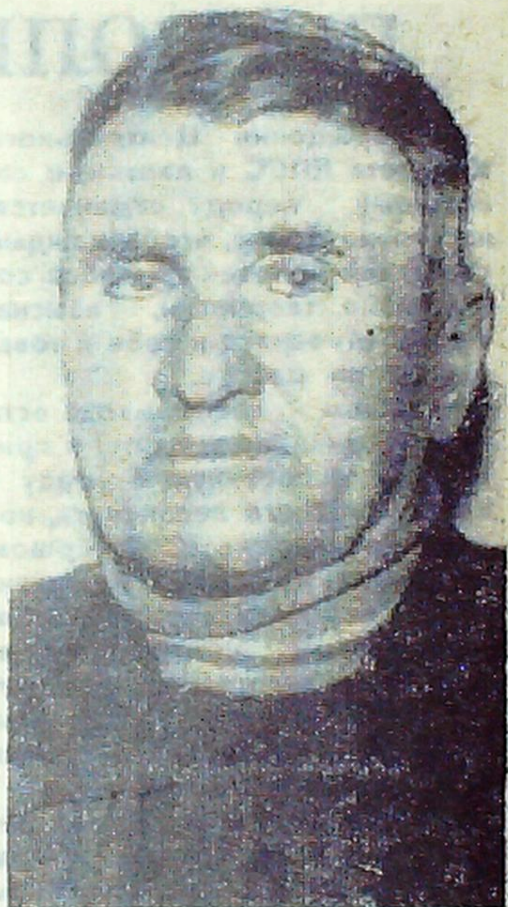
Перед днем Советской Армии нас готовили к параду, учили ходить строевым шагом, словом, как перед большим праздником... Но вдруг все изменилось. Нам привезли новое обмундирование, вещмешки собрали. Привезли нас на Воробьевы горы в Москву учиться на младших командиров. Через три месяца вышел младшим сержантом.

Отправили нашу часть на фронт, на передовую. Перед нами деревня Теробань—большая, хорошо укрепленная, тут немец три года стоял.

Получили мы приказ: взять деревню. Выкатили 76-миллиметровую пушку—и давай артподготовку делать. Фрицы отвечают. Тут командира нашего ранило. Вытащили мы его в безопасное место, перевязали, в тыл отправили. А немец все бьет. И бьет трассирующими. Трассирующие пули след оставляют, и видно, как летит пуля. Это очень страшно для необстрелянных солдат. Не поднять головы...

Но тут запели наши «катюши»... Мы поднялись в атаку. Отстреливаясь, немцы драпанули из окопов и блиндажей, оставили нам большие трофеи и много оружия, продовольствия.

Мы очень боялись за нашего командира, а вдруг рана смертельная. Но напрасно волнова-

лись. Он потом нам из госпиталя письмо прислал, что рана не опасная, что скоро вернется.

За этот бой орден Славы мне вручили.

После этого было много трудных и сложных боевых эпизодов. Бывало, и нам несладко приходилось, но все равно победа наша, значит, не нам, а гитлеровцам чаще всего приходилось считать синяки и шишки.

Все вынес советский солдат, потому что дело наше было правое, мы защищали свою родную землю, свою социалистическую Родину.

ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

А. А. МУРАВЬЕВ,
капитан запаса

Война застала меня в кадровой армии. Как и все мирные солдаты, мы занимались мирными делами: несли военную службу, ходили в кино и на танцы (когда получали увольнительную), дружили с девушками, но готовились в любую минуту отразить нападение любого агрессора. Поэтому изучали боевую технику, практиковались в стрельбе и метании гранат.

Памятен был день 22 июня. Накануне был в увольнении, провожал домой девушек, в два часа ночи лег спать... А в четыре часа началась война, началась бомбежка. Быстро построились. Я — командир стрелкового взвода. Посадили нас в поезд. Тронулись. В пути фашистские самолеты налетели и весь состав разбомбили.

Мы-то, конечно, почти все выскочили. А где, какая станция, — не знаем. Меня вызывает командир роты и приказывает:

— Муравьев, со взводом в разведку, на сближение с противником.

Используя местность, маскируемся, стараемся не очень-то выдавать свое присутствие. Смотрим, немцы. Взвод. Идут совершенно открыто, с губными гармошками, передние стреляют. Они настолько были уверены в своей силе, что совсем не маскировались и даже не выслали дозорных.

— Захватим? — спрашиваю я своих солдат.

— Захватим, — отвечают они.

Тогда я командую:

— Ты, Вася, со своим отделением справа заходи, а ты с другой стороны. Возьмем их в клещи.

Попутно замечу, что в первые годы войны немцы внушали нам великий страх. Раз, думаем, они прошли такой большой путь по нашей земле, значит, они сильны и отважны.

Наш взвод появился перед

немцами внезапно, словно вырос из-под земли. Ребята действовали так напористо, что в этом бою захватили мы 11 немецких солдат, обезоружили их. А они (немцы) встали на колени и руки вверх подняли.

А под Оршей, я был уже командиром стрелкового батальона, форсировали Днепр. Подошли к берегу. Стоят три сарайшюшки. Разобрали их по бревнышку и — в воду. Плываем тихо, стараясь не обнаружить себя. Но у противника все берега и сама река были пристрелены. Как только нас обнаружили, сразу открыли огонь. Поплыли по течению раненые, убитые.

Переправившись, пошли на линию обороны противника. Пока шли до первых окопов, больше половины погибло. С огромным трудом заняли вторую линию окопов. А на третью не решаемся идти: осталось от батальона 16 человек. Немец в контратаку не идет, и мы боимся показаться в таком количестве. И только к вечеру, когда дали подкрепление, мы смогли занять и третью линию окопов.

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

В. ВОЛКОВ,
лейтенант в отставке

С детских лет у меня была мечта—летать. В 1940 году при Кинешемском аэроклубе окончил летные курсы, познал азы летного дела. А в июле 1941 года в числе бывших аэроклубовцев меня направили в летное училище под Москвой. В то время наша авиационная промышленность начала выпускать новые самолеты-истребители «Ла-3». По тому времени это были очень хорошие машины, вооруженные пушками и крупнокалиберными пулеметами.

После окончания училища я был зачислен в летную часть. Фашистские войска в то время подошли близко в столице нашей Родины, немецкое командование посыпало на Москву целые тучи бомбардировщиков «Юнкерс-88». Нам нелегко было защищать небо над Москвой, так как самолеты противника летали на большой высоте, и зенитки их не доставали.

Я налетал 150 боевых часов, участвовал в трех воздушных боях. Последний бой был 27 ноября 1941 года под Москвой. В паре с лейтенантом Николаем Шкандалой мы поднялись в воздух, на малой высоте пересекли линию фронта. Нас заметили гитлеровские солдаты, открыли огонь из пулеметов и винтовок, но было уже поздно, мы улетели. Затем мы набрали высоту 3 тысячи метров и полетели над оккупированной территорией.

Вскоре Николай Шкандала кричит мне в шлемофон:

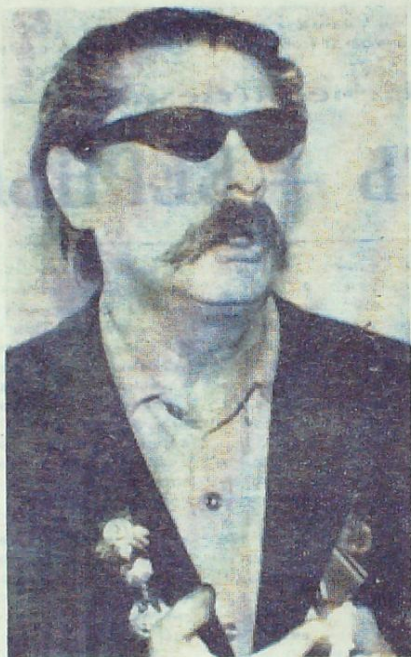
—Вижу «Юнкерсы». Сваливаюсь на флагмана, прикрой.

Он развернулся, зашел с хвоста и с короткой дистанции ударил по вражескому самолету. От него повалил черный дым, он зазалился набок и стал падать. Я тоже нашел себе цель и тоже уронил одного бомбардировщика. Остальные пошли в оборонительный круг и начали кидать бомбы на свою территорию, чтобы освободиться от груза...

Все это длилось не более десяти минут, в воздухе все происходит быстро и на большой скорости, не на земле, не залажешь в окоп. Шкандала снова выбрал еще цель, кричит мне:

—Прикрой, иду в атаку.

И вдруг со стороны в меня полетели осколки плексигласа, радиаторная жидкость. Фриц, видимо, попал в радиатор и мотор, я не сразу опомнился. Но тут мотор зачихал,

стал работать с перебоями. И я понял, что подбит, что мне надо быстрее садиться или прыгать с парашютом. Но выпрыгнуть было невозможно: фонарь заклинило, не откроешь. Решаю садиться, но шасси не выпускается, враг пробил гидросистему.

А мотор еще тянул. Тут я увидел немецкий самолет и пошел ему навстречу. Он тоже. Идем на большой скорости. В авиации это называется лобовая атака. Два самолета сближаются... в конце концов, или они оба разобьются, и летчики погибнут, или один из пилотов в последний момент струсит и отвернет вверх или вниз. Трус непременно погибнет. Если он попытается нырнуть вниз, встречный самолет отрезет ему хвост винтом, если же он взмоет вверх—обнажит незащищенный фюзеляж и будет сбит.

Так получилось и на этот раз. Вражеский летчик струсил и попытался «перепрыгнуть»

через меня. На какие-то доли секунды он обнажил свое «брюхо», а я нажал на все спусковые устройства. За ревом моторов выстрелов не было слышно, но машина вздрогнула, и немецкий самолет стал падать. Позднее, в госпитале, у меня родились стихи об этом бое.

Высота три тысячи. Под нами
Ломаная линия траншей.
Черный дым и взвизгивающая пламя
Здесь на подмосковном рубеже.
Выпал первый снег, но еще осень,
Свет сверху моросью сырой...
— Вижу шесть «Ю-88»
Атакую флагмана, прикрой...

Голос в шлемофоне замирает.
— Есть! — кричу, а сам смотрю вокруг...
С первого захода прошивает
Гитлеровца очередью друг.

Вижу «юнкерс» пламенем объятый
Падает в прибрежные кусты.
А пятерка в панике досадной
Развернуть пытается хвосты.

— Бей их, — слышу голос, — прикрываю...
По фашисту очередь... и вот,
«Этот мой»... дымящийся пылает,
Рухает фашистский самолет.

Немцы груз каскетами бросают
И спешат, конечно, удирать...
На хвосте у «месса» повисаю,
Он в прицеле... Очередь, ура!

«Месс» дымит... Он завалился боком...
— Есть еще один! — Кричу в эфир...
Только трассы выходящим потоком, —
Где ж ты, мой ведущий командир?

«Мессеры»... Один... Четыре... Много...
Что же, драться буду и один,
Мне вперед, вперед одна дорога,
Комсомолец я — Отчизны сын...

Но и мне надо было садиться. Слышу станция наведения дает команду развернуться на 180 градусов. Но ведь они не знают, что у меня не выпускается шасси. Я спустил самолет, ударившись фюзеляжем о мерзлую землю. И думаю: «Сейчас подойдут немцы, откроют фонарь и—все». Это длилось две минуты, и они показались мне вечностью. Но когда открылся фонарь, я увидел солдата со звездой на шапке, обрадовался—упал к своим. При падении я ударился головой и сильно ушиб позвоночник. Но фрицы улетели, мы не пропустили их к Москве. А через некоторое время началось генеральное наступление войск под Москвой. И хотя я лежал уже в госпитале в это время, но чувствовал себя защитником Москвы.

СНАЙПЕР - это меткий глаз и твердый характер. Особым уважением среди фронтовиков пользовались бесстрашные и меткие снайперы - женщины

О ДНАЖДЫ, листая старые подшивки нашей районной газеты, я наткнулся на небольшую заметку, которая называлась «Письма героя». И узнал, что учащиеся Дарынской восьмилетней школы давно ведут переписку с Мудрецовою Инной Семеновной, проживающей в Москве. Имя И. С. Мудрецовою было присвоено пионерской дружине школы, в которой она когда-то училась.

Дарышские ребята по моей просьбе прислали письма Инны Семеновны и книгу «Девушки в погонах» (Москва, «Воениздат», 1964 г.). В этой книге собраны очерки о славных защитницах Родины.

Каждое имя — удивительная и яркая судьба. Например, пулеметчица Данута Стайлиене и санитарка Маргрина Пепенорукова — полные кавалеры ордена Славы; Маншук Маметова — Герой Советского Союза, тоже известная на всю страну. В числе других — наша землячка Инна Мудрецова.

Даже бывалые фронтовики покачивают головами, когда узнают, что она командовала стрелковым подразделением. На ее личном снайперском счету 148 уничтоженных фашистов. В 1945 году стала членом партии. Награды: два ордена Отечественной войны I степени, орден Боевого Красного Знамени, орден «Знак Почета» (это — за трудовые дела) и многие медали. Неудивительно, что ребята в своих письмах и школьных сочинениях именуют ее Героем с большой буквы.

И вполне понятно, что я написал письмо в Москву, в надежде получить от И. С. Мудрецовою какие-либо документы, заметки военной лоры. Хотелось рассказать о ней в газете в год 40-летия Великой Победы. Однако ответа я не получил. Как потом выяснилось, Инна Семеновна лечилась в санатории, затем долго гостила у своей фронтовой подруги. А в сентябре прошлого года она неожиданно приехала в Островское, где не была много лет.

Инна Семеновна посетила наши достопримечательные места, посмотрела на новостройки, в нескольких школах выступила перед молодежью. Для этой цели в райкоме партии специально дали легковую машину. С большим интересом всюду встречали и слушали женщину, которая много раз была на краю гибели, умела подняться в атаку бойцов, часами лежать на сырой земле со снайперской винтовкой.

У МЕНЯ в памяти до сих пор свежи ее рассказы о том, что довелось увидеть и пережить на дорогах войны. О многом мы успели переговорить, хотя и гостила И. С. Мудрецова на родной земле всего два дня.

— Люблю встречи с молодежью, — говорит Инна Семеновна. — Она только что вернулась из Островской средней школы. — Как будто свое поколение встретила. В школе снайперов учила почти таких же девчонок...

Мудрецова — энергичный, подвижный человек. Но не суетливый. И при всей ее обаятельной наружности во взгляде или голосе иногда уловить такое, от чего хочется встать по стойке «мирно».

— Если обозначить все места, где я побывала после войны, то получится как в песне «Мой адрес — Советский Союз». И не жалею. Молодежь должна знать правду о войне. Переписку веду большую. Письма молодых

◆ К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СОЛДАТ

Рассказ о Мудрецовою И. С. — снайпере и командире

радуют меня не меньше, чем поздравления «генералитета».

— Какого «генералитета»?

Инна Семеновна показывает полученную недавно открытку. Читаю: «Поздравляем верную дочь Родины». Далее: «Все цветы земли нашей — к вашим ногам!» Ну, думаю, какой-нибудь поэт сочинял. Однако открытка подписана генерал-полковником.

— Это поздравление президиума совета ветеранов Степного, 2-го Украинского и Забайкальского фронтов. Не забывают меня в дни праздников совет ветеранов 1-й ударной армии и совет ветеранов 213-й Новоукраинской стрелковой дивизии. И каждое поздравление или приглашение подписано генералом. Вот это я и называю «мой генералитет», — улыбается Инна Семеновна. — А сейчас я вам покажу интересные снимки.

Каждому журналисту, наверное, доводилось не раз писать об участниках Великой Отечественной. Я, например, всегда удивлялся, что «мирная» жизнь моих героев до обидного мала. Детство, школа, юность — все это уместилось в десяток строк. После войны, если не был исключен человек, он работал, получал за труд награды, растил детей. Честь и хвала человеку за это! Однако военный период оставался в жизни главным. Советские люди преодолели все невзгоды, выстояли перед фашизмом. Страшно подумать о последствиях, если бы поколение, на которое навалилась основная военная ноша, не выдержало, сломалось.

Н О ЭТО поколение не сломалось. Вот сидит передо мною победитель — Инна Семеновна Мудрецова, перебирает фотоснимки одной рукой. Левую ей перебило под Берлином. Тогда врачи еле выжили Инну.

— А я оять из гостей — в гости. Только что побывала в Молдавии.

В составе 213-й Новоукраинской стрелковой дивизии И. С. Мудрецова участвовала в августе 1944 года в освобождении республики от немецко-фашистских захватчиков. На праздник по случаю 40-летия освобождения Молдавии она была приглашена в числе других ветеранов. Инна Семеновна является участником Яско-Кишиневской операции, которая занимает видное место среди крупнейших операций, осуществленных Советской Армией в годы Великой Отечественной войны.

Дорогой ценой заплатил советский народ за освобождение Молдавии. Нет в цветущей ныне республике города, нет села, где бы не было братских могил...

Глянцево блестят снимки, блики падают на лицо женщины, разглаживают морщинки, которых еще, возможно, и не было бы. Но... была война.

— Это моя дочка, вот это — внук. Служит в армии, пишет письма героической бабке.

Дальше подает мне снимок молодой милостивой женщины в офицерском кителе с боевыми наградами. Это — сама Мудрецова.

Довоенная биография уместилась в десяток строк. Семилетка, техникум, институт. Вышла замуж, родила дочь. И вдруг... Слово полнеба затянуло черным, а по черному запылало огненными буквами слово «ВОЙНА». Что там за этим мрачным занавесом, какие предстоит увидеть муки и жертвы? И не только увидеть, а выстрадать и вынести.

Может и на войне были «эрители», но Инна Мудрецова к таким не относится. Когда в начале войны в Белоруссии погиб муж, она отвезла дочурку в деревню и пошла работать на оборонный завод. Хорошо работала, даже с какой-то злостью, но и это удовлетворения не давало. Казалось, что делает мало, а такие мысли обидно царапали душу.

О ДНАЖДЫ у Инны родилась интересная мысль. Дело в том, что до войны она активно занималась спортом, особенно пулевой стрельбой, являлась инструктором стрелкового клуба. Инна отправилась на совет к подругам, которых знала еще до войны по клубу.

— Давайте хлопотать, чтобы открыли женскую снайперскую школу. Мы ведь можем учить этому девушек. А потом и сами попросимся на фронт...

Предложение Мудрецовою подруги поддержали. Они написали письмо в Ставку. Его подписали Инна, Ольга Маликова, Аня Морозова и Катя Успенская.

Инициативу комсомолок одобрили, женскую снайперскую школу создали под Москвой. В качестве инструктора туда взяла Инну.

Она терпеливо обучала девчат искусству стрельбы и добрым словом вспоминала своего первого учителя. Роман Григорьевич Чулок, действительно, сумел в свое время передать Инне богатейший опыт. Он погиб в боях с белофиннами.

И вот в снайперской школе праздник — первый выпуск. А вскоре И. С. Мудрецова подает начальству рапорт: «Прошу отправить меня на фронт».

А. ЛОБАНОВ.

На снимке: И. С. Мудрецова (снимок военных лет).

(Продолжение следует).

◆ К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СОЛДАТ

(Продолжение.
Начало в № 39).

БОЕВОЕ крещение Инна Мудрецова получила в Белоруссии ее направил в тыл врага, в один из партизанских отрядов. Здесь открыла она в снайперской книжке счет уничтоженным гитлеровским войкам. Отливались немцам слезы многострадальной Белоруссии, помогала в этом и снайперская винтовка И. Мудрецовой. Насами лежала зарывшись в снег, после каждого выстрела ждала ответной пули фашистского снайпера.

Затем — возвращение в часть, снова — снайперская охота. Часто Инну поздравляли с успехом ожидавшие ее возвращения подруги, бойцы.

Но вот группу снайперов переместили во второй эшелон. Инна все же добилась в политотделе, чтобы ее оставили на передовой. И во время начавшегося вскоре наступления взяла на себя командование взводом, где вышел из строя командир.

Мне довелось читать воспоминания очевидца этого боя инженер-капитана запаса А. Краснова.

«К этому бою на нашем участке готовились со всей тщательностью. Саперы заранее сделали проходы, разминировали минные поля. Пехота получила боевое задание и встала на исходном рубеже.

После артиллерийской подготовки наступило затишье. И вдруг тишину прорезал звонкий женский голос: «Вперед, ура!» Бойцы с криком «Ура» выскочили из окопов и бросились за командиром.

Это была младший лейтенант Инна Мудрецова. Ее взвод был ударной группой и оправдал свое название. Дело пошло до рукопашных схваток. В этом бою Инна была ранена, но вскоре снова стала в строй».

Как снайпер И. С. Мудрецова прекрасно знала каждую ложбинку, каждый кустик и ручей на передовой. И не только ее.

Однажды во время наступления наших войск часть, в которой находилась И. С. Мудрецова, оказалась окруженной. Инну тяжело ранило, гимнастерка и бинт порвались от крови. Несмотря на это, она вывела большую группу бойцов из окружения.

«От этой женщины у меня сталося огромное впечатление, — это уже из воспоминаний ее одноподчиненца, командира роты старшего лейте-

нанта В. Горелова. — Простая, но боевая. И — с твердым характером. А иначе с мужиками, наверное, и нельзя».

Было это зимой сорок четвертого года. У Пинских болот, на одном из участков нашей обороны. Местность простреливалась фашистскими снайперами, днем нельзя было пройти. Вечером мне звонит командир батальона: «Встречай двух спасателей, ознакомь их с линией обороны и местностью, обеспечь работой. За жизнь их отвечаешь ты». Жду и все думаю, что же это за спасатели? И вот связной приводит двух бойцов в шубах и масках халатах со снайперскими винтовками. Это были Мудрецова и сержант Корольков.

Ознакомившись с местностью, над головами то и дело пролетали транссибирские пули. Инна смело шла по тропинке, и мы сразу прониклись к ней уважением. Она расспрашивала об обороне, активности противника, обстоятельствах гибели наших бойцов.

По ее требованию мы заново прорыли дощеливельную траншею и сделали чучело человека. До рассвета вышли на выбранные места. Враг открыл огонь, чучело сразу же было пробито пулями. На второй день Инна вылезла на нейтральную землю. А нас попросила вызвать на чучело огонь фашистов. Вот тут и произошла расплата: два вражеских снайпера были уничтожены. На третий день гитлеровцы начали бить из пулемета. Но и пулеметный расчет был уничтожен Мудрецовой и вторым снайпером сержантом Корольковым».

Пять дней пробыла здесь Мудрецова, передавала опыт стрелкам. И все восхищались ее мужеством и бесстрашием.

«Она служила для нас образцом... Наш народ гордится такими, как Инна Семеновна Мудрецова», — так писала одна из воспитанниц Инны по снайперской школе.

В СПОМИНАЯ свой боевой путь, Инна Семеновна с горечью сказала: «В первом выпуске нашей школы было человек 70 снайперов. До Берлина, насколько мне известно, дошли 17 человек, а сегодня нас меньше десятка».

Много хитростей у снайперов. Первое условие успеха — маскировка, второе — терпение. И наконец — меткость стрельбы. Снайпер, не раз подчеркивала в разговоре

Инна Семеновна, это — сверхметкий стрелок.

Работа снайперов окружена известной тайной, у каждого вырабатывался свой почерк. Однако некоторые слишком упрощенно понимают задачи, которые ставились перед этими сверхметкими стрелками. Мол, замаскировался поближе к противнику и сиди — авось, кто и попадет под прицел винтовки.

На самом же деле в задачи снайперов входило в первую очередь уничтожение офицерского состава, пулеметной и оружейной прислуги. Меткими выстрелами они поддерживали наших атакующих бойцов: били даже по смотровым щелям танков, а разрывными пулями — по гусеницам. Снайперский огонь всегда вызывал панику в рядах противника.

Снайпер — это еще и тактический стрелок. Он сам выбирает место и маскируется так, чтобы противник не заметил изменений на местности. Для снайпера не пожелают ни снаряда, ни мины — каждый ориентир пристрелил.

Высоким умением обладали многие фашистские снайперы, — говорит И. С. Мудрецова. — Их учили убивать годами, а наши девочки проходили подготовку в несколько месяцев. Но всем нам придавали уверенность и силы ненависть к фашистским извергам; мы немало слышали и повидали».

Особо запомнились мне поездки с фашистскими снайперами. Тут, как правило, в живых остается только один. Как я уже говорила, у немцев были отличные стрелки. Блеснул на мгновение оптический прицел винтовки — тут же полудиний пулю. За время войны немцы дважды разбивали оптику моей винтовки и только по невероятной случайности я осталась живой.

Если кому из читателей доведется побывать в Судиславском краеведческом музее, то обратит внимание на необычный экспонат. Это — прицел снайперской винтовки И. С. Мудрецовой. В одном из боев полудиний оборот — винтовку изуродовало осколком, а прицел уцелел. Инна привезла его домой, подарила музею. Деревня Игумново — ее родина — ныне входит в состав Судиславского района.

— Нам, снайперам, особенно напоминали: «Если погибнет хоть один наш солдат от пули фашистского снайпера, то головы с вас полетят». Поэтому, и когда стояли в обороне, снайперская охота не утихала».

А. ЛОБАНОВ.

На снимке: девушки-снайперы получают боевое задание. Вторая справа — И. С. Мудрецова.

(Продолжение следует).

◆ К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СОЛДАТ

(Продолжение.)

Начало в №№ 39—40).

Инна Семеновна продолжала:

— Помню, с хорошим снайпером Володей Сидоркиным мы задолго до рассвета выползли на выбранную позицию. Наши с передовой, по договоренности, утром стали двигать чучело, вызывая огонь немецкого снайпера. Он выстрелил несколько раз, мы его засекли, однако наши пули вызвали только какой-то странный звук.

Наступила темнота, время, когда снайперы отползают «домой». Мы решили выждать, а потом рискнуть и взглянуть на логово немца. Подползли и обнаружили... оборудованную ячейку: броневый щит с прорезями в виде полукружий. Вот теперь стало ясно, почему фашистский снайпер неуязвим.

Мы оставили ему «подарок» — осторожно зарыли под щит связку гранат со своей стороны. Одну граниту оставили себе на обратный путь.

На второй день мы опять устроили немцу встречу с русским чучелом. Выстрел последовал из той самой ячейки. Через 30 минут чучело показало в другом месте, и опять последовал меткий выстрел.

После этого мы одновременно ударили по подложенным гранатам разрывными пулями. Взметнулась земля...

— Но в целом, — улыбается И. С. Мудрецова, — мы получили нагоняй от командования за свою «самодеятельность». И не о наградах мы тогда думали. Награждали нас за самые тяжелые бои... Многих — уже посмертно.

ГОВОРЯ о фронтовой смекалке, Инна Семеновна вспомнила такой случай.

— Все-таки девушки и на войне оставались девушками. Многие любили петь, а у некоторых, например, у Дуси Лагуновой — был замечательный голос. Даже немцы иногда заслушивались и прекращали стрельбу.

Это дело как-то приметили разведчики: им был позарез нужен «язык». И вот Дуся поет, а разведчики, пользуясь тем, что у немцев усыплена бдительность, идут за «языком». Вернулись с задачей. Потом в штабе показали «трофей» Дусе.

Кстати, об этой Дусе (Евдокия Константиновна Спичак проживает ныне в городе Тайшете Иркутской области) И. С. Мудрецова рассказывала мне удивительные вещи.

— На Калининском фронте это случилось. Наша атака, как часто выражаются, захлебнулась, фашистский пулемет не дает поднять головы. Дуся подползла ко мне. «Разрешите, товарищ командир?» Смотрю я на нее: маленькая, худенькая, откуда только такая решимость! «Действуй, — говорю, — только возьми автомат, винтовку оставь». Медленно подползала Дуся к дзоту. Сумела все же забросать его гранатами. Потом ее нашли, раненую и контуженную.

О своих боевых подругах Инна Семеновна вспоминает с теплом и грустью и более охотно, чем о себе. И я к ним еще возвращусь, а пока мне хочется воскресить в памяти рассказ И. С. Мудрецовы о последнем бое, о последнем ее снайперском выстреле.

КОНЕЦ войны застал ее недалеко от Берлина. Долго шла сюда Мудрецова, не раз была ранена.

Тишина... Однако фронтовики знают, что она не сулит ничего доброго. Так вышло и на этот раз. Оказалось, что ударная группа, возглавляемая И. С. Мудрецовою, глубоко вклинилась вперед и оказалась в полуокружении противника на окраине станции. Кольцо врагов стало сжиматься. На станции лежали мешки с цементом, Инна решила их использовать в качестве заслона.

Под вечер немцы стали бить со всех сторон — с боков, сзади. Сыпался цемент из пробитых мешков... Три дня

и три ночи держались солдаты, никто почти не пил и не ел. Хотя в группе Мудрецовою были пулеметы, противотанковые ружья, оборонялись уже немецким оружием, подобранным ночью на улице. Только для снайперской винтовки Инна оставила патроны.

К исходу третьих суток у Мудрецовою осталось три человека, способных держать пулеметы. Командир батальона передал по радию: «Держитесь, идут танки». И бойцы еще держались.

Вдруг раздался сильный взрыв. Мудрецову швырнуло на землю, ее левая рука была перебита. Но, увидев наступающих немцев, она, преодолевая страшную боль, придвинула к себе снайперскую винтовку, поглядела в прицел. Бросилась в глаза погоня.

— Гауптман, — скорее подумала, чем сказала она, спокойно нажав спусковой крючок. Потом попробовала рацию — работает. Сказала в трубку:

— Огонь на меня...

И потеряла сознание. Это было 18 апреля 1945 года.

Очнулась Инна Семеновна уже в медсанбате. Хотела пошевелить рукой, но руки не было. Невыносимо стало от мысли, что осталась инвалидом.

Пришло трогательное письмо от однополчан.

«Всеми уважаемая лейтенант Мудрецова, примите привет и наилучшие пожелания в быстрейшем выздоровлении. Все солдаты и офицеры огорчены и соболезнуют вам. Личный состав никогда не забудет ваших боевых подвигов, стойкости и мужества.

Вы — единственная женщина — боевой командир на передовой позиции. Вы всегда шли вперед и вели бойцов, завершая бой успехом.

Желаем успешного лечения.

Ваши братья по боям: Подзюкин, Усков, Зайцев, Филиппов и другие».

Инна Семеновна и теперь помнит это письмо почти дословно и гордится им, как самой высокой боевой наградой.

ОТГРЕМЕЛИ победные залпы. Весь мир салютовал победителям. И. С.

Мудрецова долго еще лечилась в одном из московских госпиталей. После выписки побывала у знаменитого в то время профессора Богоразы.

— Пришла. Он спрашивает: «Чем могу помочь?» А я его тоже спрашиваю, как, мол, теперь жить без руки. Тут он взял со стола карандаш и постучал по своим ногам. У него протезы были, ноги он давно потерял. Живя двадцать лет без ног, сумел достичь вершин в науке. Его слова: «Надо продолжать жить, дорогая» — мне стали напутствием на всю жизнь.

Несмотря на инвалидность, И. С. Мудрецова как инженер участвовала в создании ряда технических новинок, в том числе складного мотороллера «Малютка».

Трудно переоценить ее вклад в дело пропаганды боевых традиций нашей армии, всего героического. В этом деле она поистине неутомимый человек. Побывала в Карелии, Узбекистане, Казахстане, на Украине, в Молдавии, Белоруссии, на Дальнем Востоке. Воины, школьники, земледельцы и металлурги — любая аудитория устраивает ветерану радужный прием. Будучи в Хабаровске, например, она участвовала более чем в двадцати встречах. Есть у Инны Семеновны записные книжки, где — восторженные отзывы о встречах с легендарной женщиной.

ПОСТУПИЛИ Мудрецовою убеждают: если человек много перенес, то он не останется глухим к чужой беде.

...Сразу после госпиталя Инна Семеновна побывала на родине. Вспоминает с горечью:

— У нас погибли едва ли не 90 процентов ушедших на фронт. Семьи погибших жили очень бедно, детишки — голодные, разутые и раздетые. Обошла все три села...

Потом И. С. Мудрецова составила списки нуждающихся, написала письмо в комитет Красного Креста. Люди получили отсюда помощь. Помогла она тогда помощь и автомашину своему колхозу. А ведь была она инвалидом первой группы, впрямь было думать о себе, о семье.

А. ЛОБАНОВ.
(Окончание следует)

◆ К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СОЛДАТ

(Окончание.)

Начало в №№ 39—41).

Однажды Инна Семеновна встретила однополчанку С. И. Меренкину. Тот работала гардеробщицей в больнице.

— Он подал мне пальто, — вспоминает И. С. Мудрецова, — а сам пристально так меня рассматривает... Заметила, что я неловко натягиваю пальто (мешал протез), он вдруг глухо выговорил: «Дай мне помощь, однополчанка...» Больше 30 лет мы не виделись, а все же узнали. Очень он изменился, постарел.

Потом И. С. Мудрецова написала ходатайство о том, что ее однополчанка храбро воевала, нуждается теперь в лечении, хлопотала о прибавке пенсии.

Между этими двумя фактами — более 30 лет. Но характер у Инны Семеновны остался прежним, чутким к людям, общительным и неутомимым.

Эта она стала душой встреч выпускников женской школы снайперов. И теперь боевые подруги встречаются в День Победы в московской квартире И. С. Мудрецовой на Песчаной улице.

Здесь звучит песня:

Эй вы, поля,
Зеленые поля.
Выползайте снайперы
На линию огня!

Их бесстрашно на войне мог позавидовать бывалый воин. Теперь они вспоминают, как зимой сорок второго жили в заброшенной оранжерее на подмосковной станции. Там начинался путь в снайперы. Приходи с учебных стрельб, укрывались «всем вещевым аттестатом», чтобы не замочить. Вспоминают, как отправляли их на фронт. Запасной полк встретил новеньких поначалу не слишком дружелюбно. Хмурился пожилой старшина: посмотрим, мол, сначала, умеете ли ходить.

— С места, с песней, шагом марш!

Как пошли девочки, которых в школе за малый рост звали «карандашниками», как гринули «Эх, бей, винтовка» — из всех землянок бойцы высочили. А через два дня, после контрольных стрельб, дел совсем тронулся. Так снайперам был открыт путь на передовую.

А ВТОРУЮ этих строк довелось читать интересные записи. Они сделаны рукой Инны Семеновны в разное время в обыкновенных ученических тетрадках. Приведу некоторые из них.

«Восхищаюсь, когда... люди отдают себя другим».

«Кроме человечности — ничего и не требуется. А уж она подскажет, что надо».

«Я много объехала и обошла костромских земель. И вижу, что не с полной отдачей используются поля, дуга, леса, водные угодья...»

«Без хлеба ни одна шестеренка не завертится... Мне было лет двенадцать, но я умела косить и явить серпом. Хлеб... О нем сейчас говорят и пишут много. А у меня в памяти — многокрасочный расцвет, рой мошары перед вспаханной от пыли глазами. Ниль при молотбе поднималась столбом и от земли, и от мякны, проникала за ворот плаття. Росные ночи и запах хлеба...»

«Мама писала мне на фронт: «Хоть и не женское дело тебе воевать, но козь ты там, то бей гадов, чтобы духу их не было. Из деревни все ушли на войну: мужики, трактора и лошади. Землю копаем лопатами... Хлебушки весь сдаем государству...»

Это письмо, как рассказала Инна Семеновна, было напечатано в дивизионной газете.

В дневниках И. С. Мудрецовой много интересных мыслей. И она не просто делится своими думами с тетрадками, а высказывает их при встречах с молодежью. Она пишет в разные инстанции, не всегда встречая понимание и поддержку.

Например, в ее родной деревне Игумново (ныне Судиславского района) она давно и правдиво сделала вывод, что ключ к повышению плодородия земель — мелиорация. Надо привести в порядок хотя бы то, что осталось в наследство. Она с карандашом подсчитала, что раньше три села давали государству больше молока и мяса, чем нынешний совхоз «Жваловский». И не только подсчитала, но и ходила к начальству, доказывала. Теперь вот и решения октябрьского (1984 года) пленума ЦК КПСС нацеливают друзей деревни на эффективную мелиорацию.

«Ответы иногда получаешь противоречивые. Получая их, я испытываю чувство разочарования и утраты. Чем... реальнее возможность лучшего, тем, выходит, труднее убедительно это доказать», — пишет она в своем дневнике.

В НАЧАЛЕ своего рассказа я отметил, что главный в биографии поколения И. С. Мудрецовой — Великая Отечественная война. Но нужно сделать уточнение:

фронтники и после войны сделали и делают много. Своим примером, топором, убеждением. Они с нами как совесть.

...В последний вечер мы сидели в номере нашей маленькой поселковой гостиницы. После дождливого лета не радовал солнцем и сентябрь. С небольшими перерывами шел дождь. Гремело.

Порывом ветра открыло форточку. Я встал, чтобы ее захлопнуть. Инна Семеновна тоже поднялась с кресла и подошла к окну.

От дождя удирали двое мальчишек. Один поскользнулся и чуть не упал.

Инна Семеновна поехала и негромко заговорила.

— Не знаю, почему вспомнилось... Мы освобождали тогда Белоруссию. Все разорено, сожжено. Страшно было думать со стороны села, еще занятого фашистами, мы увидели: кто-то бежит, бежит и падает, снова бежит. Немцы стреляют по этой фигурке.

Когда он уже почти добежал до наших окопов — видим: мальчишка. Кричит: «Дяденьки, военные, спасите! Там мамку, сестренку, всех... В сарае снаги, поджигать хотят...»

Мы доложили командованию и получили «добро» на то, чтобы выбить немцев из села. Успели вовремя, хотя сарай уже был действительно подожжен.

Мальчишку было девять лет. Звали его Алешей.

После встречи с Инной Семеновной Мудрецовой у меня осталось к ней чувство огромного уважения. Тяжело было бойцам на фронте, а женщинам — вдвойне. Война выкинула и калечила души. Но недаром в одной из тетрадок И. С. Мудрецовой я встретил известные строки:

Лучше прийти с пустым рукавом,
Чем с пустою душой.

Эти строки можно было взять эпитафией к моему рассказу.

...Я вышел из гостиницы. Из окна второго этажа Инна Семеновна махала мне рукой. Снова припустил дождь. Поздняя гроза рокотала за рекой словно эхо победного салюта, который прозвучал в Москве в сорок пятом.

Нет в русской душе слепого ненависти. Есть справедливость и доброта. Но мы, родившиеся после войны, обязаны помнить жестокое уроки истории. Мы не забудем. Обещаем вам это, товарищи фронтники. Вам, Инна Семеновна. Обыкновенная и необыкновенная женщина. Обыкновенный и необыкновенный солдат.

А. ЛОБАНОВ.

На снимке: И. С. Мудрецова в кругу однополчан.

Красоту, что дарит нам природа,
Отстояли солдаты в огне,
Майский день сорок пятого года
Стал последнею точкой в войне

НА ВЫСОКОМ берегу Куекши почти вплотную к обрывистому спуску стоят крестьянские дома старой деревни Горки. Стоят десятилетия, окнами на реку и простор. Прежде хозяин ставил себе дом на радость, чтобы было в нем всегда светло и солнечно, чтобы радовалась душа красоте, открывающейся прямо с незамысловатого крылечка.

И. М. Барашков природную красоту дополнил лиственницами, что высадил по самой кромке. Деревца выросли, и каждую осень дарят хозяину яркое золото

ский топором работать не умеет? Переправы мы наводили, мосты понтонные строили,—рассказывает он.—Насмотрелся, сколько нашего брата уложили. Помню переправу через Днепр. Шли и шли солдаты на тот берег, технику военную тащили. А мало кто жив остался...

И дошел солдат со своей саперной ротой до самой Германии, и на Одере налаживал переправы.

Война кончилась, а до дома было далеко. Дослуживал тот, кто был моложе, кому судьба даровала жизнь. Принес домой солдатские медали,

все светлое время дня, Валентина Андреевна находила силы поддерживать эту строгую чистоту. Любила всей душой свой дом, свою семью, для которой и будний день был праздником.

Трех детей вырастили Валентина Андреевна с Иваном Михайловичем. А четвертого—внука, дедов дом для Алексея стал единственно родным.

Жизнь здесь всегда текла размеренно и ровно. С любовью растили детей, умели радоваться каждому новому дню, любому знаку внимания за свой труд. Даже тогда, когда не было в доме лишних рублей, и позднее, когда достаток шагнул за порог. Но всегда здесь свято верили в то, что только труд дает право жить безбедно...

А когда государство начало платить пенсию, Иван Михайлович не утерпел — ринулся в арендаторы, растил и откармливал колхозных телят, и вновь доказал, что у истинного крестьянина результат лучше.

Но чувство обкраденной старости осталось. Показал мне И. М. Барашков крохотный листочек, на котором обозначен их колхозный пай, что пришелся при реорганизации. Считаю, ничего, кроме этого лоскута бумаги, в действительности и не осталось. Горько старым людям, что пошел их многолетний, нелегкий труд прахом.

С каждым днем приближается 50-летие Победы в Великой Отечественной войне. Заметно поредели ряды фронтовиков — тех, кто на своих плечах вынес основные тяготы огненных лет, отстоял свободу и независимость нашей Родины.

Чтобы ни говорили о минувшей войне историки, как бы ни пытались в ближайшем зарубежье выставить русского солдата захватчиком и оккупантом, цену победы знает лучше других тот, кто прошел дорогами войны. Светлым майским днем в доме Ивана Михайловича и Валентины Андреевны будет празднично. Может быть, придется смахнуть слезу, вспоминая не вернувшихся домой друзей. Но радости будет больше.

Земной поклон вам от всех, кого отстояли в те годы от чужеземного рабства, поклон от всех, кому дорога Россия.

М. ОХОТНИКОВА.

— К 50-летию Победы —

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

осени даже тогда, когда угасают осины и березы.

А вообще-то Иван Михайлович, в прошлом фронтовик-сапер, очень мирный и трудолюбивый человек. Как впрочем и его жена Валентина Андреевна, юность которой тоже опалена войной. Оба они не любят вспоминать войну и все, что с ней связано. Но из жизни и памяти ее не выбросишь, особенно если приходилось под бомбежкой и артобстрелом наводить переправы, идти первыми.

—До сих пор вздрагиваю при виде бомбежек, даже если вижу их по телевидению, —признался Иван Михайлович.

Вообще-то в свои призывные годы он был признан негодным к службе в армии по зрению. Но окопы рыть можно было и близоруким, а через год признали годным и для фронта. Путь к победе начал со знаменитых Гороховецких лагерей, голода и холода.

Каждый, попавший сюда на краткосрочные курсы, был еще не фронтовик, но уже и не мирный человек. «Вот уж где наголодались...» —вспоминает Иван Михайлович. И мотало его по дорогам войны в самое пекло — Великие Луки, Курская дуга, Днепр и далее на запад. Не раз ранило, попадал в госпитали, вылечивался и снова на передовую.

—В саперную роту попал после госпиталя. Можно сказать, добровольно изъявил желание. Какой же деревен-

вещмешок за плечами да шинель.

В жены взял себе тоже фронтовичку. Валентина Андреевна, весело смеясь, рассказывала, как дважды сбежала с трудового фронта домой. Чего взять, девчонки, окопы рыть силы нет, на военный завод попали —опять ни родных, ни близких. «Повезло», когда пришлось оказаться вдали от фронта на охране военного объекта.

Господи, сколько радости было в возвращении домой, в этот самый родительский дом, что согревал их всю жизнь. Работали, растили детей, верили, что счастье добыли своими руками.

—В колхозе оба отработали, я-то больше на ферме, —говорит Валентина Андреевна.

И вместе на ферме им пришлось поработать немало. Целый двор телят кормили вдвоем, да как кормили, если привесы постоянно килограммовые получали. За каждым колхозным теленком, как за своим, ходили. Грамоты, благодарности, премии—сколько их было за годы работы!

—Нет уж, не посрамили себя в деле,—обронила Валентина Андреевна.

А я смотрела на ее руки, до сих пор не по возрасту мускулистые и сильные, которые, наверное, и могут быть спокойными только тогда, когда она присядет отдохнуть. В доме у нее чистота и порядок, нигде ни соринки. Подумалось: ведь это — характер. Даже тогда, когда приходилось ферме отдавать

◆ 50 лет Победы

С ФРОНТА НА ФРОНТ

Домик Смирновых заметен издали — желтый, как будто залитый солнышком, с яркими резными наличниками, примостился он на самой окраине Ломков в низинке. Дверь, как во всех деревенских домах, не заперта, не привыкли здесь сидеть белым днем под замком, заходи любой — всем будут рады.

Когда началась война, Виталию Ивановичу было всего-то неполных 15 лет. Учился он в то время в Ярославле, мечтал стать помощником машиниста паровоза. Все перечеркнула война.

В 1943 году призвали в армию и их, еще безусых 17-летних парней. Не знал тогда Виталий, что доведется увидеть ему родную, милую сердцу деревню только через восемь лет, пройдя через все мытарства, оставаясь живым, выстоять и победить. А пока с мальчишеским нескрываемым любопытством смотрел он из вагона, увозившего его на передовую, в самое пекло.

Попал Виталий Иванович на 3-й Белорусский фронт и в первом же бою был награжден медалью «За отвагу» за подорванный гранатой вражеский танк.

А потом, когда осталась позади Прибалтика, в 17 километрах от Кингсберга настигла отважного бойца разрывная пуля. Сутки пролежал Виталий на поле боя, пока его не подобрала сани-

тары. Потом семь месяцев в госпитале, ходить, можно сказать, учился заново.

А потом, когда многие возвращались после Победы домой, поезд увез его еще дальше от родной деревни, только теперь уже на восток. И опять война, теперь уже с Японией, автоматные очереди, бомбежки. В 1946 году получил Виталий Иванович еще одну медаль — «За победу над Японией».

Затем пришлось служить ему в Китае, и дома его ждали еще пять лет.

Только в 1951 году переступил Виталий Иванович порог родного дома. Работы,

несмотря на ранение, легкой не искал, стал помощником вальщика леса. Вскоре взял в жены черноглазую красавицу Настю, которая родила ему четверых сыновей и дочь. Всех воспитали, вывели в люди, семья была дружной. Сейчас разлетелись дети из родного гнезда, но не забывают родителей, помогают во всем.

А войну Виталий Иванович вспоминает часто, да и как ее забудешь, когда часть жизни осталась там...

С. РЯКОВА.

На снимке: В. И. Смирнов.

Фото автора.

*Никто не
забыт,*

*Ничто не
забыто!*

*С днем
Великой Победы!*

ЛИХА ХЛЕБНУЛ СПОЛНА

«Война совсем
не фейерверк,
А просто трудная
работа».
(Ник. Майоров).

Я ХОЧУ рассказать о своем брате Анатолии Михайловиче Соловьеве. Это был добрый, немного шепутой человек, особенно после контузии на фронте.

Мечтой Анатолия с детства было автодело, поэтому он перед самой войной, несмотря на все трудности, поступил учиться в Ивановский автотранспортный техникум. Но началась война, и все в жизни перепуталось.

Уже потом, после войны, когда брат начинал рассказывать, как он воевал, то сначала вспоминал не про бой, не про ранения, которые он имел, а про своего первого старшину и город Шую Ивановской области, где формировалась их часть.

Этот старшина имел привычку выводить новобранцев на строевую подготовку на базарную площадь. Было это в октябре 1943 года. Холод, грязь, слякоть. А он командует: «Ложись! Встать! Ложись! Вперед, по-пластунски». И они ползли по всей грязи перед всем базаром. А так как в казармах было холодно, то одежда просыхать не успевала.

И молодым солдатам вскоре стало все равно: в лужу они ложатся или на лужайку, перестали бояться и дождя, и слякоти, но не переставали бояться старшину. А тот не уставал повторять слова А. В. Суворова: «Тяжело в ученье—легко в бою».

В армию Анатолия призвали в октябре 1943 года с третьего курса техникума, когда ему только-только исполнилось 17 лет. Мальчишески пришлось взрослеть рано, до поры и уходить на фронт Великой Отечественной. Был он совсем юным, худым со студенческих-то харчей, как неоперившийся птенец, как сказала однажды мама.

Но жизнь была сурова, суровой старшины. Анатолия зачислили в мотопехоту и по окончании подготовки в начале 1944 года отправили на 2-й Белорусский фронт. Он шел дорогами войны, а чаще полз по-пластунски через Польшу, Венгрию, Германию. Лиха хлебнул сполна. Был трижды ранен, один раз тяжело, и контужен.

И хочу повторить рассказ брата, как его контузило. На самоходке они шли в наступление. Прямым попаданием троих убило сразу, а его далеко отбросило в сторону. Сколько он пролежал, не знает. Очнулся, когда почувствовал, что голова его скачет по корням, а голой спиной он боронит землю. Это два солдата куда-то его тащили за ноги, шинель задралась, а сучки впились в спину.

Второй раз он пришел в себя на навозной куче. Значит, его притащили и здесь бросили. Солдаты говорили по-русски, но это были не свои. Оказалось, что его в перелеске подобрали власовцы. Он ничего не слышал, говорить тоже не мог. Поэтому его затащили в барак и бросили на нары. Так он провалялся несколько дней. Потом стал приходиться в се-

то уводят на работу. Пытались пивками и его поднять, но он упал с нар. Ешь — не давали. Однажды сосед принес Анатолию сырую лошадину жилу, которую он прятал под себя. А когда все уходило, отрывал по волотинке и жевал, пока не откалывали челюсти.

На десятый день наши войска освободили пленных. Анатолия с тяжелым ранением отправили в город Лодзь (в Польше) в госпиталь, где он пролежал со 2 мая по 24 октября 1945 года и был демобилизован как нестроевой по первому указу.

За ратные дела гвардии старший сержант Соловьев Анатолий Михайлович был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны, медалью «За победу над Германией» и юбилейными медалями.

Мечте юности Анатолий не изменил. В 1946 году он восстанавливается на учебу в автотранспортный техникум, заканчивает его и всю свою жизнь отдает автомобилям, радуясь, а то и глубоко страдая из-за сложной и трудной работы автомеханика. Про него говорили, что по звуку мотора он мог определить его неисправность. Так тонко знал он и любил свое дело.

Сейчас, накануне 50-летия Победы, много говорят и пишут о фронтовиках. Честную, помогают. Только жаль будет, если эта святая дата окажется очередной кампанией. Пройдут праздники, и снова бывшие фронтовики, теперь уже пожилые люди, останутся один на один со своими заботами и болезнями. Не хотелось бы этого.

В. ДИСКАНТ.
пос. Островское.

**Пусть будет мир!
Пусть пулемёты не строчат,
И пушки грозные молчат,
Пусть в небе не клубится
дым,
Пусть небо будет голубым,
Пусть бомбовозы по нему
Не прилетают ни к кому,
Не гибнут люди, города...
Мир нужен на земле всегда!**

1 МАЯ 1942 года ушел на фронт 19-летним пареньком Сергей Андреевич Иванов. Его война была недолгой, но лиха хлебнул сполна. Попал он служить в артиллерийский полк, в противотанковое подразделение. Это был передний край, где смерть дышит прямо в лицо, и каждый день, прожитый здесь, дорого стоит. Таких дней у Сергея Андреевича было 59.

В одном из боев молодой боец был тяжело ранен — перебиты обе ноги. Как добрался до деревни, помнит плохо. От боли часто терял сознание.

Потом госпиталь в Тамбове, затем в Омске, пять месяцев на больничной койке. А потом служба в учебном арtpолку, оттуда в 1945 году и вернулся домой в Лодыгино.

А война до сих пор не дает о себе забыть, хоть и прошло уже больше 50 лет, раны до сих пор болят.

На снимке: С. А. Иванов.

Фото С. РЯКОВОЙ.

В ЖИЗНИ островчанина А. М. Мясникова была война. На фронт он пошел уже зрелым мужчиной. До этого была работа в райвоенкомате.

Первое боевое крещение получил Александр Макарович в Калининe, когда только что сформированный 67-й танковый полк попал под бомбежку на железнодорожной станции. Потом — Западный фронт, а впоследствии от первого до последнего дня был фронтовик в гуще событий на Курской дуге. За это он был награжден орденом Красной Звезды.

Затем огненными дорогами войны прошагал ветеран вместе со своей частью через всю Украину, Польшу и до самого Берлина, к победе.

Домой вернулся в 1949 году в звании старшего лейтенанта. Грудь фронтовика в то время уже украшали и другие ордена и медали.

На снимке: А. М. Мясников.

Фото И. КАЧАЛОВОЙ.

РОДИЛСЯ я в 1920 году в деревне Бобаново, родители были крестьяне. После окончания семи классов в 1936 году сдал экзамены в Плещский сельскохозяйственный техникум. По окончании его был направлен в Игдовскую машинно-тракторную станцию участковым агрономом Ивановичского и Машихинского сельсоветов.

По осеннему набору в 1940 году был призван в Красную Армию. В 168-й артиллерийский полк мы прибыли 16 октября. Это в городе Чертков Тернопольской области. Тогда там была взрывоопасная зона. Сегодня в Чечне действуют босовики, а там — отряды бандеровцев, которые скрывались в горах.

Неизбежность войны с Германией от нас не скрывали на ежедневных подлинформациях. Да мы и сами были тому очевидцы: находясь недалеко от границы. Днем и ночью за десять дней до войны к границе шли воинские подразделения всех видов войск.

Служить было нелегко, учили нас, как на войне. Попал я в учебную батарею, личный состав у нас был только с высшим и средним образованием. Учили нас семь месяцев до войны по программе военных училищ. За два года мы должны были стать офицерами запаса.

В ночное время часто проводились тактические занятия, нередко объявлялись учебные тревоги. Иногда приходилось даже засыпать днем во время занятий. Так что трудности военного времени мы в какой-то мере испытали в мирной обстановке и начало войны встретили без большой паники.

Когда началась война, в нашем районе с первого дня проводилась мобилизация местного населения. Среди призывников много было собственников бандеровцам.

В первый день войны над нашей частью пролетел самолет разведчик. На третий день со всеми мобилизованными

◆ К 55-летию Великой Победы —

ПОМНИТСЯ ВСЕ

нас вывели за город в дубовую рощу. Выдали оружие, снаряжение и обмундирование. С тех пор и до конца войны я был артиллерийским разведчиком. По прибытию в лес многие местные мобилизованные со всем военным имуществом уходили по домам, так что кроме убытка эта мобилизация ничего не принесла.

В первые дни войны мы много раз развертывались в боевой порядок, но нас отводили. Часто попадали под бомбежки. Затем часть сочли нужным включить в резерв Верховного главнокомандования.

С декабря 1941 года нас постоянно направляли в места, где намечался важный прорыв. Мы участвовали в наступлениях под Москвой, Ленинградом, во всех прибалтийских республиках, затем Кенинсберг, Польша, взятие Берлина. На рейхстаге мне тоже довелось расписаться.

Эта война была особо жестокой. Когда мы проходили российские села, то их можно было узнать только по стоящим печным трубам, обгоревшим деревьям. Однако населенные пункты прибалтийских республик немцами оставались почти невредимыми, за исключением тех, где шли ожесточенные бои.

После прорыва фронта немцев под Москвой нас направили на Волховский фронт, чтобы снять блокаду Ленинграда. Нашу часть в феврале 1942 года вводят в состав второй ударной армии. Вот тогда вместе с другими частями мы попали в окружение.

Мы лишились доставки продуктов питания, боеприпасов, медицинской помощи. Питались нередко дохлой кониной. Со всех сторон немецкие войска стали нас теснить. 23 марта 1943 года удалось выйти из окружения с большими поте-

рями. От истощения организма у многих появилась «куринная слепота». Я этой болезнью страдал больше месяца.

Особо ожесточенными были бои в 1941—1942 годах. Артиллерийские дуэли продолжались по два и более часов. Немецкий самолет, увидевший даже одного солдата, спускался вниз, обстреливал или сбрасывал бомбы. Особенно непривычно было солдатам, недавно прибывшим на передний участок фронта.

Большая неприятность 13 сентября 1943 года постигла наш наблюдательный пункт под Спшиявином на Волховском фронте. Там шли ожесточенные бои. Наши войска стремились прорвать двухлетнюю сильно укрепленную оборону немцев. На наше расположение немецкая артиллерия и авиация обрушили шквальный огонь. В результате из 12 человек в живых остались всего двое — я и командир вычислительного отделения из города Юрьевца Ивановской области Сергей Малеев.

Большим препятствием перед взятием Берлина было форсирование реки Одер. Она широкая и быстротечная. Когда мы приближались к Берлину, стали попадаться дезертеры из числа немецких войск, которые прятались по лесам.

У меня был такой случай. У Одера, перед переправой, была остановка. Я отлучился в еловый лес. Увидел свалку еловых веток, наступил на нее ногой и провалился в ров, почувствовал, что нога наступила на голову человека. Я ему командовал по-немецки, чтобы он выбрался. Немец выбросил автомат и вылез из ровика. По дороге шел конвой пленных. Немец был молодой парень, и я его передал конвою. А рядом, у реки, нашими

солдатами были задержаны еще пять молодых немцев.

В канун 55-летия Великой Победы не могу не вспомнить воинво-земляков из нашей батареи — Николая Александровича Шишкарева, погибшего на подступах к Риге, Михаила Федоровича Комарова, раненого в 1942 году у станции Спасская Полесь, сейчас он живет в Москве, Бориса Ивановича Смирнова и Анатолия Спиридоновича Батова, умерших уже после войны.

Смерть всегда несправедлива, особенно накануне победы. Так случилось с Александром Васильевичем Квасовым, который не дожидаясь сутки до капитуляции Берлина. Он был командиром отделения связи дивизиона. Мы находились в центре Берлина, на реке Шпрее, и вели огонь по рейхстагу. Меня комбат послал в штаб дивизиона. Пробираясь туда, я обнаружил А. В. Квасова, видимо, убитого «фаустником», потому что он был весь пронзан осколками. За плечами у него был телефонный аппарат и катушка провода.

Хочется помянуть добрым словом моих умерших боевых товарищей — Константина Васильевича Соловьева и Ивана Филипповича Груздева. Также своего брата Ивана Степановича Варезкина, который был офицером после окончания Рязанского артиллерийского училища. Погиб он в Белоруссии 11 июля 1941 года.

Сам я награжден орденами Красной Звезды, Славы третьей степени, Отечественной войны, несколькими медалями. После войны до ухода на пенсию трудился в разных организациях нашего района.

Фронтной путь был труден и горек. Я вспомнил лишь несколько его этапов, но помнится все. Дорогами войны прошли миллионы наших соотечественников.

М. ВАРЕЖКИН,
участник Великой Отечественной войны.

ЭТОЙ фотографии уже много лет. Красивый, моложавый мужчина, изображенный на ней, - ветеран войны и труда М.П.Пухов.

Михаил Павлович уже давно находится на заслуженном отдыхе, живет в Гуляевке. Он трудился механизатором в местном хозяйстве. Именно эта профессия стала для него единственной на всю жизнь. Сорок лет М.П.Пухов пахал землю и растил хлеб. Хорошо помнит он те времена, когда во время полевой страды механизаторы почти сутками не вылезали из тракторов. Он всегда был в числе передовых механизаторов.

На фронт Михаил Павлович ушел в 1942 году 18-летним парнем, служить пришлось в береговой охране, на защите блокадного Ленинграда. Войну закончил в Эстонии.

Имеет ветеран немало наград, в том числе и фронтовых. Самая памятная - "За оборону Ленинграда".

Позади большая и нелегкая жизнь, но не стыдно оглянуться назад, потому что прожита она достойно.

Фото И. КАЧАЛОВОЙ.

ЭТИХ ЛЮДЕЙ, что вы видите на снимке, объединила 21 апреля встреча за "круглым столом", посвященная 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Она была организована районной администрацией и редакцией газеты "Островские вести".

Каждому из ветеранов было что вспомнить. Хотя с тех трагических для нашего народа событий прошло уже более полувека, война помнится с особой ясностью, до мельчайших подробностей. Тяжелые бои, потери товарищей еще больше добавляли мужества и отваги солдатам, закаляли волю к победе.

С самого первого дня на фронте были В.О.Гончаров и М.С.Варежкин, немало пришлось прошагать фронтовыми дорогами А.Ф.Андрееву, А.С.Журавлеву, А.П.Козлову, В.И.Муравьеву, А.М.Мясникову, А.Н.Смирнову, досталось в той войне и женщинам - А.И.Петровой и З.М.Межаковой. Они выстояли, потом и кровью добыли для своих детей, внуков, правнуков Победу.

Низкий вам поклон и здоровья на долгие годы.

Фото И.КАЧАЛОВОЙ.

Помните!

Через века, через года-

Помните!

О тех, кто уже не придет никогда,-

Помните!

**Какою ценною завоевано счастье,-
заклинаю,-**

Помните!

С Днём Победы!

*Сегодня и года уже седы
С тех пор, как минула война,
Но поздравляет с Днём Победы
Дедов и правнуков страна.
Спасибо, милые, родные,
Нас защищавшие тогда
И отстоявшие Россию
Ценою ратного труда.
Мы поздравляем вас с любовью,
И правнуки запомнят день,
Омытый вашей чистой кровью,
Когда вовсю цвела сирень.*

военное дело. И чем больше поработаете, тем скорей закончится война. Ну, на счет этого писать не стоит, вы сами знаете все.

Папа и мама, я надолго со своим знакомыми, которые вам известны, я вам пишу. Так что не скучно. Так, когда сидим в окопе, то мне и вам говорю про дом, что произошло, каждый день поминем. Ну, домой долго не поеду. Служба моя три года. Через три года, может, буду здоров, вернусь домой и будем жить, как жили в 38 году и 37 году, когда был брат Николай дома.

Дорогие родители, Папа и Мама, храните свое здоровье. Об нас ничего не думайте. Мы здесь одни, а вы с детьми, воспитывайте их.

Ну, писать больше нечего, пока до свидания. Жду ответа. Не обижайтесь на меня, что я вам письма редко пишу. Попыска бы, но бумаги нет. Ну, до свидания. Ваш сын Павел.

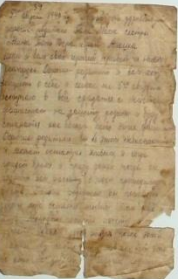
15 июля 1943 года

Здравствуй, дорогая сестра Тоня. Шаю я тебе свой братской привет. Во-первых, я сообщу, что твое письмо получил 11-го июля, которое ты писала 23-го июня. Тоня, ты пишешь счастья моей жизни. Мне это все не страшно. Я хо всюду прива. Мне разрыв снаряда становится за весение, это бывает скуучновато.

Тоня, скажи маме, чтобы она не говорила, что, может, нас убьют. Я думаю вернуться живым и жить лучше, чем жили раньше. Только вы докажите до нас. Все старое вернем, опять будем жить, как и не жили.

Тоня, главное сами себя не морите, старайтесь как можно лучше кушать, тогда будете здоровы.

Ну, пока все. Прощай, дорогая Тоня. Желаю вам здоровья. Ваш Павел.

5 августа 1943 года
Добрый день, здравствуйте, дорогие ро-

дители, Папа и Мама, сестры Нина, Тоня, Вера и брат Алеша. Шаю я вам свой горячий привет и низко кланюсь. Дорогие родители, я вам хочу сообщить о себе. Я сейчас, с 5-го августа, вступил в бой сражаясь с немцами фашистами на западу Ровины и буду стараться как много больше быть этих фашистов. Дорогие родители, вы об этом не беспокойтесь, я, может, останусь живым. И когда придет время, я приду домой. Тогда все подробно вам расскажу о моем прошедшем времени.

Дорогие родители, вы помогите, чтобы мне осталось живым, так как я еще молодой, покайт хочется и охота узнать, какая будет жизнь после этой войны. Ну, давай, буду жив или нет, это никто не знает. Дорогие родители, Папа и Мама, я знаю, что как вы получите мое письмо и узнаете, что я вступил в бой, вы будете плакать. Прощу, не плачьте. Это ничем не поможет, а вам во вред. Вы сейчас только думайте о себе, как лучше прожить этот период войны, а об нас меньше всего беспокойтесь, потому что мы не одни здесь, а весь народ. Папа и Мама, прощу вас, напишите мне письмо и опишите все о вашем положении. Может, я ваше письмо получу и узнаю о вас. И опишите, пишет ли вам Николай. Письмо я от него получу. Одно письмо и больше нет.

Ну, пока у меня все, переключайте всем по привету нашим родным. Прощайте. Мой адрес такой же, какой и был.

Пишите ответ. Ваш сын Павел. Прощайте.

18 августа 1943 года

Здравствуй, дорогие родители, Папа и Мама, Нина, Тоня, Вера, Алеша. Кланюсь вам и желаю всего хорошего, дорогие родители.

Я вам сообщу, во-первых, как вам сообщила, что с 5-го августа вступил в бой и по 15-е участвовал в боях. В наступлении пришлось мне убить несколько немцев, и 15-го августа в 4 часа утра меня ранено в шевю околком. Осколок прошил сквозь шею и сейчас с меня разговор нет, только что шепот. Я сейчас нахожусь в госпитале, лежат это ранение. Ну, а остальное все в порядке. Я пока остался жив.

Папа, когда получите мое письмо, по этому адресу не пишите мне. Я скоро перееду в другой госпиталь, тогда сообщу. Ну, пока, писать нечего. Прощайте. Ваш сын Павел. Прощайте.

10 марта 1944 года

Привет с фронта. Здравствуй, дорогая Нина. Шаю я тебе свой горячий братской привет. Нина, во-первых, я тебе хочу сообщить, что я нахожусь все на старом месте и сейчас пишу письмо из дома отдыха. Меня поразили одышкой, так вот я и отдыхаю. Корректи здесь здорово, всего столько смеху, нормы всякой нет. Вот, Нина, моя жизнь

какая происходит. Нина, ты не думай, что я долго буду отдыхать, а скоро опять пойду на фронтную полосу и буду снова бить немцев.

Нина, ты мне писала в письме, что работаешь с теми и до тена. Да, я понимаю, что тебе сейчас трудно. Вот война переживай это трудное время. Вот война хочится и будем жить опять по-старому. Нина, ты писала, что за опозданием на работу судят. А и ты на это не попадай.

Вот меня пока все, что я хотел тебе сообщить. Передай маме и Паше и всем остальным по привету. Пишите ответ. Буду ждать. Ну, прощай, дорогая Нина. Писал вам известный Павел.

22 марта 1944 года

Привет с фронта. Здравствуй, дорогой Папа. Шлет вам горячий привет ваш сын Павел.

Папа, во-первых, я вас благодарю за ваше писанное письмо, которое вы писали 10-го III. Я получил 21-III. Большое вам спасибо за ваше известие. Я сейчас точно узнал, где вы работаете и что корову купили. Это очень хорошо.

Дорогой папа, я пока жив и здоров, нахожусь до настоящего времени в обороне. А теперь пойдем вперед гнать немцев с нашей территории. Папа, если жив буду, то сообщу, как мы их логим и какие будут успехи.

Папа, я сейчас имею один орден, может еще придется заслужить. Буду стараться. Ну, пока все. Прощай, дорогой папа. Живите как можно лучше на ваше здоровье. Кланюсь вам и всем нашим, маме и сестрам. Пока все. Остался жив и здоров. Прощай, дорогой Папа. Ваш сын Павел.

«Убили в Берлине Володю на второй день после войны. Вот ведь что самое обидное...»

Интервью с Владимиром Ивановичем Муравьевым, ветераном Великой Отечественной войны

Владимир Иванович, расскажите, пожалуйста, про себя и про военное время.

Я из деревни Борки, что под Хомутово. Деревня была небольшая, 500 домов. Из одного Борка на фронт было влато 86 человек, в том числе и таких по возрасту, как я. В армию меня взяли семнадцатилетним мальчишкой. До войны я учился в школе. А как война пришла, так нам и сказали: «Ребята, учить заканчивайте, возвращайтесь на это место, где жили». А мужики, тех, кто был старше, уже почти всех к тому моменту мобили.

На обучение я пошел в Петропавловский лагерь, под Горьким. Прочитался мы там три месяца. И считалось, что мы уже, так сказать, боевые люди. Попал на фронт, на Украину в начале 1944-го. И через неделю попал под контузию. Близко подошли к самому фронту, и нас, ничего не испытавших «вои», сразу 6 человек, накрыла немецкая бомбардировка. Провисали мы в госпитале по полтора месяца. Встали на ноги в конце мая. Из госпиталя вернули нас под Горький, в танковое училище. И там провезли еще шесть месяцев. Закончил в училище мек-

ником водителем Т-34. Попали мы снова на фронт под Киевом. К тому времени Киев был освобожден, надо было двигаться дальше. И двигаться дальше надо было уже здорово, очень здорово.

Жилищ В.И. Муравьева в Праге, 1945 г.

иниче немцы перешли бы границу, а там Чехословакия, Венгрия, Болгария... Бои были очень страшные.

Один такой бой запомнился, под Львовом, там немецкая группировка стояла, около 100 тысяч. Прислал к нам командующий армией Мангаров. Обозначил нас по числу каждой тапи, и сказал:

«Ребята, эту группировку поручил вам Спалли, надо ее разгромить, иначе она нас не оставит из России... Сильная немецкая группировка. Я вами поеду в бой.» — «Да как же вы, товарищ генерал...» Он был генерал, а мы были маленькие офицеры и маленькие сержантыки... «Да, да. Вот мои три тапи, вот оставшиеся ваши выстрелы. Пойдем!»

Натуро, когда уже стало рассветать, поехали в атаку, и восток с нами. Сперву появилась поддержка. Но немцы нас останавливали. Мы еще пытались бить. Хотя у нас в армии, конечно, были и пожимые люди, которые уже попробовали все... Пришлось отбавиться. Нам явно повезло, что командующий армией к нам в поле пришел и с нами вместе был. Он сразу вызвал «Катюшу», 9 «Катюш» подошли к нам. И мы немцев сбивли со своих мест и гнали до чехословацкой границы. Тысяч 50 взяли в плен и тысячу 30 положили. А наша 32 дивизия не много потеряла.

Вот, освобождая ми Украину... А сейчас видите, что мои друзья на Украине делают. А как мы их освободили! Сколько положили там тогда...

Те, кто также служил на Украине депортирован, — это бандеровцы.

Бандеровцы наши тыловики ловили. Мы-

МЫ ПОМНИМ ЗА ЧТО СРАЖАЛИСЬ НАШИ ДЕДЫ!

85 лет Островскому району

то вперед ушли, а они ловили их в тылу. Но их отпрыски остались. Мы от немцев Западную Украину очистили, а им, выходит, дали дорогу...

Ну, дальше была нам дана команда освободить Венгрию, Чехословакию и Австрию. И мы сразу пошли в наступление. Немцы уже стали трусить. Просто трусить стали. И мы их уже тут дупили, как говорится, на полную.

Освободили Венгрию, к Будапешту дошли. Повернули армию на Австрию. И вдруг приказ перейти на другое направление, на Чехословакию. Два денька подготовились и пошли в атаку. Это был апрель 1945 года. Потеряли мы тут своих ребят тоже много.

Освободили Прагу. И ночью объявили конец войны.

Ну, давайте праздновать...

Простояли в Праге две недели.

А как вас встречали в Европе?

Чехи встречали очень хорошо. Домой к себе звали. Хотя командир дивизии говорил: «Ребята, не ходите, там может быть всякое». Но мы ходили. Дружили. Чехи и венгры хорошо относились. А которые были не наши друзья, те с немцами убежали...

Из Чехословакии своим ходом пошли в Берлин. От Праги до Берлина недалеко, километров двести. И ночью наша дивизия пришла туда.

Наши войска уже взяли Берлин. И встречали нас там, как родные. В Берлине мы пробывали до половины июня.

А жители Берлина как к вам относились?

Жители Берлина, которые остались, относились очень хорошо. Но там осталось их мало. Все разбежались... Ребятишки оставались с оружием, четырнадцатилетние, пятнадцатилетние, гитлерюгенд. И на нашем участке были такие. Смотришь: бегут, отступают ребятишки. На меня командир взвода кричит: «Не догоняй их, это ведь ребятишки! Не догоняй, передавишь сейчас всех. Пусть пехота их в плен возьмет».

Но вот отправились в обратный путь. Подвели нам железную дорогу, через Польшу. Наша железная дорога ведь по сравнению с западной на 9 сантиметров шире. Не пройдем по их дороге. Ну, эту их дорогу за одну неделю наши войска поправили. Думаем – едем домой... Приехали под Москву. Разгрузились. Наши танки начали ремонтировать. И стали давать нам новые танки. «Зачем?» – думаем – «Куда?».

Погрузились на эшелоны и поехали, через Галич, на Урал. Проезжаем Сибирь, Новосибирск, Красноярск – и... едем воевать с японцами.

Приехали мы в Манчжурию. И одной ночью, в августе, пошли на японцев в атаку.

Японцы вояки были сильные. Но вооружение у них было слабое. Мы же уже пришли с хорошим вооружением. Самолеты наши летали прямо над нами, не давали к нам подойти никому.

В.И.Муравьев.

Порт-Артур, Ударная группа, 1945 г.

В первые две недели мы ни одного японца в плен не взяли. Если раненый валяется, и наши идут к нему, он вынимает нож и сам себя убивает. А потом уж они стали сдаваться нам, чувствовали, что тут ничего не сделаешь. Туда три танковые армии были перевезены с Запада. Армии такие, которые пробовали все.

Мы в течение месяца Манчжурию освободили. Подошли к Харбину, где была сосредоточена большая японская армия, тысяч сто. Во время заправки под Харбином нас пробомбили. И я попал под ранение, ранило осколочно в правую руку и в ногу. И все, отправили снова в госпиталь. И я пролежал в госпитале уже до конца войны с Японией.

В.И.Муравьев в военные годы

После этого мы еще оставались на Дальнем Востоке, передавали технику китайцам, учили их с нею обращаться... Китай-

цы были к нам очень хорошо расположены. Ребятишек у них было по 10–15 человек. Постель такая огромная в доме стоит, и все они лежат рядком на ней и спят...

Пробыли мы на Дальнем Востоке еще три года.

В марте 1950 года отпустили домой.

Приехали домой. В колхозе в войну были одни женщины...

А много женщин в районе воевало?

Человек десять-пятнадцать. Я помню их всех, потому что работал позже в Совете ветеранов...

Так вот, были в колхозе одни женщины. А тут потихоньку начали прибывать из армии мужчины. Меня сразу назначили бригадиром механизированной бригады в колхозе.

Затем работал в райкоме заведующим орготделом.

Потом было такое время, когда посылали работать в колхозы «тридцатитысячников». Это набор был по всей стране 30 тысяч коммунистов, воевавших, а также тех, кто в войну был на брони, для работы в колхозах. И меня послали председателем колхоза в деревне Гуляевка.

Сложно было организовывать в Гуляевке колхоз?

К тому моменту колхоз уже был, но это был колхозик. Маленький, из двух деревень. А когда нас, «тридцатитысячников», посылали в колхозы, их стали делать большими. Гуляевский из 8 деревень собрали. Что ж, поднимал колхоз.

Женился.

Госпитал двоих детей.

Но вот все вспоминается... Война закончилась. А мы на второй день еще в Праге кварталы подчищали... Улицы в Праге узкие. Мы шли в два танка – мой и еще один. Тот танк прошел. И тут из подвала шлепнули по моему танку. Шлепнули на борт, порвали гусеницу. Танк остановился, крутанулся на одной гусенице – и все. Надо выскакивать, ждать нечего. Я кричу: «Ребята, выскакивайте!». Я в люк танковый выскочил, который впереди. Еще есть у танка люк донный – прямо под танк вылезешь. И есть люк башенный. Вот мы выскочили трое: я в свой люк, еще один из нас в донный выскочил... А заряжающий моего танка, Володя Ботников – долго он со мною воевал вместе... – через верхний люк стал вылезать. Ведь никого вроде нет, никто не стреляет. А какие-то бандиты немецкие в подвале сидели. Им всем сказали, что если они в плен попадут, их всех, мол, перестреляют... Володя вылезал через верхний люк, а его из автомата. Насмерть. На второй день после конца войны. Вот ведь что самое обидное.

Мария Рыжова

Он дожил до 80-летия Победы в Великой Отечественной войне

На сегодняшний день в Островском районе остался один ветеран Великой Отечественной Войны – это Ветохин Валентин Сергеевич (военнослужащий во время ВОВ)

Проживает по адресу:
Островский район, п. Красная Поляна, ул. Озерковская, д.10

Валентин Сергеевич родился 14.12.1926 года в д. Новоселки Юрьевского сельского совета. 17-летним парнем был призван на трудовой фронт. Грузил лес и возил из Наволок и Решмы на Волгу. В 1943 году был призван в армию, служил в Гороховецких лагерях Горьковской области.

С октября 1943 года по ноябрь 1944 года учился в снайперской школе. Окончив школу в звании сержанта, был направлен в 50-тый стрелковый полк под Горьким и отправлен на фронт. До передовой не доехали – в Польше состав разбомбили, из 450 человек в живых осталось 42. Оставшихся бойцов отправили в Харьковскую область в танковый полк, там и встретил Победу. В 1950 году демобилизовался. После демобилизации устроился в колхоз “Вперёд” шофёром, потом перешёл работать на Краснополянскую бумажно-картонную фабрику, до пенсии работал прессовщиком картона.

Был женат, имеет 2 детей: сына и дочь. Семья тружеников - всегда держали домашний скот и большой огород. Валентин Сергеевич обладает чувством юмора, по силе и возможности делает домашние дела, сейчас проживает вдвоём с сыном пенсионером. Он рад, что его не забывают родные и односельчане.

Победа

В степях, лесах, горящих деревнях
Солдат российский в дни войны багровой
Мечтал украдкой лишь о мирных днях
И о любви, рождённой в жизни новой.

Как долог путь был к праведной мечте!
Земля промокла на века от крови.
Но он пришёл к победной высоте,
Его ПОБЕДА – в каждом русском слове!

Звучат слова, звучит родная речь.
Мы, россияне, помнить будем вечно
Всех тех, кому случилось в землю лечь,
И память наша будет бесконечна.

Э. Данилов

